Лейтенант ЛЬДОВСКІЙ

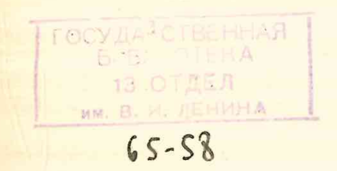
ГОЛУБОЙ ФОККЕР

Издательство М. В. Зайцева
Harbin
1935.

Лейтенант Льдовскій

ГОЛУБОЙ ФОККЕР

записки военнаго летчика

Издательство М. В. Зайцева
Harbin, P. O. BOX 59.

Предсѣдателю Харбинскаго Союза Русских летчиков

Военному летчику-инструктору

Арсенію Яковлевичу Арсеньеву

в воспоминаніе об Авіаціонной школѣ Дальняго Востока посвящает автор.

Голубой Фоккер.

С первыми лучами іюльскаго солнца в палаткѣ дежурнаго офицера корпусного истребительнаго отряда запищал телефон.

— 4КАВО,—отвѣтил дежурный.

— На ваш участок летит один аэроплан.

Офицер быстро подтянул ремни, поправил револьвер и вошел в палатку командира.

— Господин капитан, кажется, опять этот Фоккер.

— Скажите гардемарину Ранецкому,—отозвался из-под одѣяла командир.

Дежурный разбудил Ранецкаго и, вызвав команду Ньюпора, приказал выкатить машииу.

С передовых позицій часто запаздывали предупреждать авіаціонные отряды о налетах непріятельских аэропланов. Так и в этот раз. Не успѣл Ранецкій выскочить из своей палатки и застегнуть каску, как над головами уже показался германскій голубой Фоккер и повел бомбардировку и обстрѣл аэродрома.

Ранецкій, сорвавшись с мѣста, сдѣлал было нѣсколько прыжков к своему Ньюпору, когда дрогнула земля под его ногами, в глазах блеснул ослѣпительный огонь, и он был откинут назад, в палатку, засыпанный песком и землею.

Нѣсколько секунд пролежал он без движенія. Барабанныя перепонки мучительно ныли. Медленно ощупал руки и ноги. Кажется, все было в исправности. Открыл глаза,—небо было усѣяно красными

мигающими огоньками; темныя, свинцовыя тучи, какія-то длинныя черныя полосы. Рѣзь в глазах...

С закрытыми глазами Ранецкій приподнялся и пополз.

На аэродромѣ стояла мертвая тишина, даже непріятельскаго мотора не было слышно. Почему никого нѣт кругом?

Он крикнул,—но беззвучно. Еще раз... Голос потерял, что-ли?

Он почувствовал, как его подхватили под руки, поставили на ноги и среди абсолютной тишины повели.

Как будто гудит гдѣ-то далеко отсюда колокол.

— Может быть, я оглох?—подумал Ранецкій.

Он остановился, выдернул руки и хлопнул в ладоши нѣсколько раз около уха, около другого. Тишина...

С упавшим сердцем он покорно пошел, поддерживаемый под руки, опустился на стул и, повинуясь чьему-то толчку, откинулся на спинку.

— „Единственное в отрядѣ кресло—у доктора, —догадался он и закричал:—Глаза, глаза!

* * *

Вечером того-же дня Ранецкій в темных очках вышел из палатки доктора и направился на аэродром.

Большой брезентовый ангар попрежнему стоял на мѣстѣ, а два одиночные, стоявшіе в сторонѣ, сгорѣли, и на тѣх мѣстах, гдѣ они были, уродливо обрисовывались обгорѣвшіе остовы двух аэропланов. Ровное поле для посадки было взрыто. У старта бѣлѣла какая-то безформенная масса. Он подошел ближе, — перед ним, искалѣченный до неузнаваемости, без шасси, с перебитыми поверхностями и помятым фюзеляжем, уткнувшись мотором

в землю, — лежал изуродованный биплан, его гордость—красавец-истребитель „Ньюпор“.

Проклятый „Фоккер“! Уже недѣля, как каждый день прилетал этот германскій истребитель, окрашенный в голубой цвѣт; каждый день, в разные часы, сбрасывал он бомбы и обстрѣливал из пулемета. Два раза сбросил стрѣлы, но неудачно.

В первый раз он подошел на 2.500 метров, в слѣдующій раз—ниже, затѣм обнаглѣл до того, что снижался до 200 метров, разгонял пулеметную прислугу и бросал бомбы навѣрняка.

Наканунѣ, около часу ночи, Фоккер привел с собою цѣлую эскадрилью, которая в полуверстѣ от них начала бомбить полевой госпиталь, выпуская и зажигательныя ракеты. Германскіе летчики, очевидно, приняли палатки Краснаго Креста за аэродром, и послѣ получасовой бомбардировки, перебив больных и раненых, ушли на запад.

На разсвѣтѣ прилетѣл „Фоккер“, посмотрѣл на аэродром и, увидя, что ангары попрежнему стоят на мѣстѣ, снизившись до 600 метров, повел бомбардировку один. Через нѣсколько секунд он зажег два ангара, бомбой уничтожил „Ньюпор“ и едва не убил Ранецкаго.

— Проклятый Фоккер!—подумал гардемарин: —и прилетает как-то внезапно, даже встрѣтить не успѣваешь!

К Ранецкому подошел его друг и соратник по отряду, мичман Суровой, и хлопнув по плечу:

— Здорово!

— Что?

— Здорово, говорю. Ты, кажется, совсѣм оглох?

— Вродѣ того... Говори громче.

— Как себя чувствуешь?

— Я—ничего, а вот...—и Ранецкій указал на разбитый „Ньюпор“.

— Хорошо, что сам цѣл, а машину жалѣть нечего.

— Досадно.
— А ты тут при чем?
— Не успѣл добѣжать и оторваться от земли.
— Здѣсь виноват телефон, что так поздно сообщает, и—всего двадцать верст до окопов.
— Ангары неприспособлены. Тянули, тащили, тащили, тянули... выводных маловато.
— Вѣчная им память.
— Кому?
— Выводным и мотористам... Они всѣ перебиты. Один только остался, да и то—нѣт никакой надежды: через час помрет. Вот, видишь, — яма. Сюда упала бомба и разорвалась в двух шагах от мотора, а так как аппарат выводили хвостом вперед, то выводной, несшій хвост на плечѣ, был только изранен, зато остальные, подталкивавшіе „Ньюпор" за крылья и винт,—буквально разорваны на куски и сожжены разрывом. Мы всѣ удивляемся, что ты уцѣлѣл. В десяти шагах и—ни царапины.
— А „Фоккер"?
— Сбросил бомбы и ушел на восток. Потом обстрѣлял желѣзнодорожную станцію, через полчаса вернулся сюда, снизился на четыреста метров: посмотрѣл на свое произведеніе и скрылся на западѣ.
— Никто не поднимался навстрѣчу?
— Поднимались, но—скорости разныя. „Фоккер" боя не принимал и исчез медленно, не торопясь. Не нагонишь же ты его на „Ньюпорѣ"!

Летчики не замѣтили, как к ним подошел их командир,—„человѣк без нервов", как говорили о нем в арміи. Это был знаменитый „ас" извѣстный германцам, хотя офиціально*) за ним числился только один десяток сбитых нѣмецких самолетов.

*) В авіаціи в расчет принимаются только тѣ непріятельскія машины, сбитыя в воздушных боях, которыя упали на территоріи, занятой русскими войсками.

— Не безпокойтесь, господа: мы скоро будем имѣть возможность расквитаться с голубым Фоккером.

Оба летчика, услышав знакомый голос, вытянулись и повернулись к командиру.
— Как себя чувствуете, Ранецкій?
— Благодарю. Очень легко отдѣлался, но „Ньюпор" пострадал. Так жаль, так жаль!..
— Э, чего там жалѣть!—командир пнул ногою в капот,—сейчас принимайте новый „Ньюпор". Поставьте стрѣлку!—крикнул он, обращаясь к дежурному офицеру.

Из палатки выбѣжала парасолиная команда. В центрѣ аэродрома была растянута трехсаженная „стрѣлка", указывающая направленіе вѣтра.

Командир взглянул на часы и обернулся к востоку. Далеко на голубом небе показалась одна точка, еле видимая глазом, затѣм вторая и третья.
— Идут.

Минуты двѣ спустя на аэродром, замѣтив стрѣлку, спиралями опустились три новыя машины, —два „Ньюпора" и несуразный, куцый, тупоносый, но страшный и самый быстроходный в мірѣ знаменитый французскій истребитель, Спад**).

Всѣ с восхищеніем разсматривали эту рѣдкостную машину. Командир загадочно улыбался.

У Ранецкаго сдавило горло. Он метнулся к командиру:
— Господин капитан... Петр Константинович..° ради Бога... я не прошу „Спад" в собственность... Разрѣшите только один раз сцѣпиться с голубым „Фоккером" перым...

Командир пристально оглядѣл гардемарина.
— Получить „Спад"—была моя первая мечта, „сцѣпиться" на „Спадѣ" с „Фоккером" — была моя вторая мечта. Я вижу ваше искреннее желаніе и,

**) Характеристика относится к 17—18 годам.

повѣрьте, с удовольствіем исполнил бы вашу просьбу, но... послѣ вашей контузіи я посовѣтовал бы вам отдохнуть с мѣсяц.

— Я вполнѣ здоров! Абсолютно здоров!

— А зрѣніе?

— Почти нормально. Стоит только мнѣ увидѣть голубой „Фоккер", как я днем буду считать звѣзды любой величины.

— Хорошо передаю „Спад" в вашу собственность. Помните, что таких машин на всѣх русских фронтах—двѣ-три, не больше.

Ранецкій нечего не мог отвѣтить; в порывѣ благодарности и восторга он горячо пожал и потряс руку своего командира...

* * *

Вот, уже два дня, как Ранецкій почти не спит и не снимает с себя полетнаго костюма. Бродит, как загипнотизированный по аэродрому, осматривает „Спад" или в сотый раз принимается снова и снова читать одну и ту же страницу начатаго романа. Питается кое-как,—даже доктор сдѣлал ему замѣчаніе.

Уже ночью, на третій день вытянувшись на походной койкѣ, Ранецкій, наконец, забылся нездоровым, тревожным сном.

Рядом, в палаткѣ, вѣстовой Семен разговаривал с телефонистами передовых позицій.

— Дык, вы уж того... коли ежели, — так зараз...

— Не сумлѣвайтесь. В аккурат...

— То-то же, землячки.

Земляки постарались, и в пять часов утра Семен ураганом ворвался в палатку Ранецкаго. —Так што, Ваше Скородіе, опять лятит!

Ранецкій вскочил с постели и поспѣшно застегнул мѣховую куртку на всѣ пуговицы. Одновременно одѣлся и мичман Суровой.

— А ты куда?—спросил Ранецкій.

— Хочу посмотрѣть, каков „Спад" в бою.

Было раннее утро. Синее небо. Красочная гамма на востокѣ,—лиловые тона, фіолетовые, нѣжные блѣдно-лазоревые оттѣнки, постепенно переходящіе в сочный фон кадмія... Что может быть красивѣе утренней зари! У зенита тускло свѣтил умирающій мѣсяц.

Застегивая на ходу каски, летчики подбѣжали к аппаратам. Их уже отвязали от кольев. Земля спала, а на аэродромѣ жизнь била ключом. Мотористы и помощники вывѣряли моторы, сновали около машин выводные, авіомеханик торопливо ходил от самолета к самолету и отрывисто отдавал распоряженія.

Ранецкій сѣл в кабинку и осмотрѣлся. Карта, компас, альтиметр и другіе приборы. Пулемет, прижавшійся к фюзеляжу...

Лѣвая рука на газовом секторѣ, правая пробует гашированіе и рули глубины. Ноги—на педалях руля поворота.

Моторист из пипетки заливает бензином цилиндры.

— Готов?

— Есть!

Выводные ухватились за крылья и хвост. Под колесами—подушка. Моторист ставит винт на компрессію.

— Контакт.

— Есть!—и сильный моторист, схватив обѣими руками лопасть винта, проворачивает его на полоборота.

Новый мотор „Испано-Сюиза" капризничает. Нервничает механик, нервничает и Ранецкій.

Из палатки вышел командир. Спросил зычно и коротко:

— Кто на Ньюпорѣ? Мичман Суровой?

— Я,—господин капитан.

— Вперед!

Суровой сдѣлал «горку» и спиралью пошел вверх.

После нѣкоторой возни «Испано» сдался. Сначала с пропусками и перебоями, потом ровно и монотонно.

Ранецкій сбавил газ и поднял руку. Подушки из-под колес выдернули и, выводные разбѣжались. Постепенно прибавляя газ, увеличивая число оборотов, аппарат вздрогнул, тронулся с мѣста и побѣжал. Поднялся хвост... Легкій прыжок и, — земля, как водопад, быстро замелькала под ногами.

10, 50, 100, 400 метров...

Ранецкій осмотрѣлся. Гдѣ же голубой „Фоккер"?

На высотѣ полутора тысяч метров в виражѣ блеснуло крыло „Ньюпора" Суровово.

Гдѣ-же «Фоккер»? Нѣсколько минут томительнаго ожиданія. Глаза по всѣм направленіям обшаривают небо. Эй, «Фоккер»!

1000 метров, 1500...

Суровый на 2000 кружит с поднятым хвостом, чтобы не набрать большей высоты.

1800 метров...

Суровой машет блестящей черной перчаткой.

Блѣдно-оранжевые блики солнца коснулись аэропланов, но на землѣ лучей еще не было. Внизу все покрыто, как сажей.

2100 метров...

Отведя глаза от стрѣлки альтиметра, Ранецкій увидѣл, что Суровой внезапно положил «Ньюпор» на крыло и встал мотором к западу.

Ранецкій оглянулся, — в двух километрах от себя он увидѣл флотилію из шести германских самолетов и впереди—голубой «Фоккер».

Страшный гнѣв охватил Ранецкаго, вспыхнула жажда мести, но он потушил в себѣ несвоевременные приступы раздраженія, всегда имѣющіе гибельныя послѣдствія, и начал шутить:

— А-а, вы тоже на двух тысячах? Прекрасно, прекрасно. Позиція-то у вас неважная: солнышко свѣтит прямо в ваши мордочки!

У третьяго с лѣваго фланга германскаго «Таубе»—клуб дыма: русская артиллерія встрѣчает незванных гостей. «Таубе» дѣлает круг и отстает от группы. Еще рвется шрапнель. Германскіе самолеты вышли из строя и разрозненною цѣпью идут на аэродром.

С земли на подмогу поднимается весь истребительный отряд.

Пройдена сфера артиллерійскаго огня, и германцы—рядом с «Ньюпором».

Суровой на пол километра был впереди Ранецкаго. Обходя «Фоккер», Суровой со сниженіем пошел носом на «Таубе», потом вдруг спикировал и выпустил очередь из пулемета в голубой «Фоккер». Но «Фоккером» управлял не новичек. Сдѣлав переворот через крыло «Фоккер» под прямым углом скользнул к «Ньюпору» и, спрятавшись под ньюпоровскій хвост, начал разстрѣливать Суровово.

Взмыл «Ньюпор» и, развернувшись на мѣстѣ, в свою очередь, напал на «Фоккер». Щедро сыпались пули. В азартѣ не замѣтил Суровой, как подошел к «Альбатросу», который открыл по нему бортовой огонь. Насѣл «Фоккер», и через мгновеніе Ранецкій увидѣл, как спикировал «Ньюпор» и с перебитым винтом начал падать вниз.

Взбѣшенный Ранецкій, позабыв тактику воздушнаго боя, врѣзался в середину эскадрильи. И не видѣл он, что со всѣх сторон нападают на него противники, не знал, что крылья и фюзеляж его «Спада» превращены пулями в рѣшето; он даже не чувствовал, что он изранен, и что костюм его прилип к тѣлу,—нѣт. Он только слѣдил за смертельно

ненавистным голубым пятном, которое он должен, он обязан сбить, вот, сейчас, немедленно.

«Фоккер» увертывался, совершая фигурный полет и не думая о нападенiи, старался держаться середины эскадрильи, но Ранецкiй выбивал его из центра и под дождем пуль снижал его к землѣ.

— Стой, доннерветтер!

«Фоккер» перешел в пикэ. Стремглав бросился за ним и Ранецкiй.

— Вот, сейчас...

Над капотом «Спада» на одно мгновенiе появилась голова германца. Ранецкiй повел обстрѣл, пикируя вмѣстѣ с «Фоккером» и продѣлывая тѣ-же извороты, и вел очередь без перерыва, пока не увидѣл, что германец бросил рули и мгновенно ткнулся лицом в окровавленный борт своей кабинки.

Нѣсколько секунд спустя «Фоккер», с полным мотором, со страшным грохотом врылся в землю.

* * *

Ранецкiй, истекая кровью, с большим «козлом» еле сѣл на первое попавшееся поле, в верстѣ от аэродрома.

Вылѣзая из кабинки, он потерял сознанiе и свалился рядом с обломками голубого «Фоккера».

Очнулся, чувствуя сильный озноб и слабость. Открыв глаза, он с удивленiем увидѣл, что бой еще продолжается.

Германскiе бомбовозы, потеряв своего истребителя и отступая, отстрѣливались от нападавших на них «Ньюпоров». Огромный «Альбатрос» зигзагами уходил на сѣвер. Вокруг него, как назойливая муха, кружился «Ньюпор» командира, стараясь попасть в наиболѣе уязвимыя мѣста.

— Капут!—подумал Ранецкiй, слѣдя за боем.

Метнулся носом «Ньюпор». «Альбатрос» вспыхнул, медленно скользнул на крыло, перешел в «штопор» и в штопорѣ затрещал об землю за перелѣском.

Бой кончился.

Подъѣхавшiй санитарный автомобиль забрал Ранецкаго и привез в палатку, гдѣ лежал труп Сурового с вырванным черепом. Туда-же привезли и кусок мяса от летчика с голубого «Фоккера» и три совершенно обгорѣвших тѣла нѣмецких летчиков с «Альбатроса».

Выкопали им всѣм общую могилу, отпѣл их полковой священник, и поставил им один общiй крест из пропеллеров.

На другой день утром русскiй аэроплан сбросил на германскiй аэродром часы, портсигар и блокнот «голубого» летчика, вмѣстѣ с запиской, в которой командир написал, что погибшiе нѣмецкiе летчики отпѣты по-христiански и похоронены в километрѣ на запад от аэродрома, со всѣми воинскими почестями.

А вечером того-же дня прилетѣли германцы и сбросили на могилу вѣнки.

* * *

Ранецкiй, пролечившись около трех мѣсяцев в Москвѣ, вновь прiѣхал в свой отряд. Но недолго летал он.

— Недѣлю спустя, ненастным осенним утром, он погиб в тяжелом воздушном бою—один против эскадрильи.

Три смерти.

Эх, и брешут же старыя пословицы и поговорки!

Устарѣли онѣ, опаздали на добрую четверть столѣтія, ну и выходит, что, как будто, слышишь не мудрость, а чушь безпринципную. Например: двум смертям не бывать, одной не миновать.

Эхе-хэ! Да, жизнь—штука безпардонная и безцеремонная. Что вчера было смѣшным—сегодня становится великим, а что недѣлю назад было мудростью,—завтра может оказаться холостым выстрѣлом. Двум смертям не бывать, одной... Хм! Глубокая мысль, если бы не существовала авіація. Сейчас, когда Фербуа дѣлает 488 километров в час, возможны всякія комбинаціи. Не двѣ, а три смерти может выпасть на долю человѣка. Каким образом? А вот послушайте.

Это трагическое происшествіе я постараюсь обрисовать подробнѣе.

Мы стояли на сѣверном участкѣ германскаго фронта.

Наш отряд из 10 самолетов только что перемѣнил аэродром послѣ того, как мы нанесли жестокій урон противнику. Нѣмцы отыскивали нас, но пока не находили.

В воздухѣ, то там, то здѣсь происходили одиночныя стычки с перемѣнным счастьем и за два дня до событій, о которых я разсказываю, без вѣсти пропал мой соратник, жившій со мною в палаткѣ.

Сбили его или нѣт, мотор ли сдал в тылу у непріятеля,—неизвѣстно, но он обратно не вернулся и никаких свѣденій о нем не поступало. Командир вытребовал пополненіе и новаго летчика мы ожидали с минуты на минуту.

Он появился в отрядѣ неожиданно.

Я стоял в своей палаткѣ и тщательно перебинтовывал свою лѣвую руку, прострѣленную недѣлю назад в схваткѣ с германским истребителем, когда за палаткою послышалось громкое безсвязное, бормотаніе, сопѣніе, хрип, шум борьбы, топот и задыхающіеся выкрики вѣстового Семена: „Сюды, вот сюды!“

Я хотѣл было обернуться и посмотрѣть, но в этот момент полог палатки с треском разорванных петель отлетѣл в сторону, на порогѣ появились борцы, меня так толкнули в спину, что, потеряв равновѣсіе, я свалился на койку и вмѣстѣ с койкой опрокинулся на землю. За мною полетѣл стол с приборами: альтиметр, барограф, спидометр, книги, каски, лампа и остальная рухлядь. Шест в центрѣ палатки треснул и переломился и в слѣдующій момент мы лежали на землѣ, накрытые холстами обрушившейся палатки.

Положеніе было и неожиданным, и нелѣпым, и смѣшным.

Не зная в чем дѣло, я приподнялся и осмотрѣлся. Картина, представившаяся моим глазам, была достойна кисти.

Среди мусора и хлама, раскинув руки, лежал богатырскаго тѣлосложенія человѣк, мирно спавшій. Верхом на богатырѣ сидѣла огромная туша моего Семена, повидимому нисколько не мѣшавшая ровному и глубокому дыханію спящаго. Семен обѣими руками утирал обильный пот, лившійся с его лица на сквозь мокрую гимнастерку.

Увидя меня, Семен встал и головою приподнял всю палатку.

— В чем дѣло, Семен?

— А цэ припер. А и дюжій хлопец, язви йе!

— Кого припер?

— А це-ж—и он указал на лежащаго.

Семен начал разсказывать на нарѣчіи, с каким можно столкнуться только на фронтѣ, гдѣ перемѣшиваются всѣ жаргоны и оттѣнки разговорной рѣчи.

— Як пишов до станцыі, вин як жваркнет с вагону, тай заорав, дюже голосисто...

Наклонившись над спящим, я увидѣл на его погонах тускло блестѣвшіе черные орлы. Это, слѣдовательно и было „пополненіе“.

— А что с ним.

— Вин пьян... трошки.

Поясняю, что наш отряд стоял верстах в 30 от фронта и в 5 от ближайшей желѣзнодорожной станціи. Утром командир приказал отправить на вокзал вѣстового для встрѣчи пополненія. Новаго летчика нужно было провести к нашим палаткам, т. к. мѣстность была лѣсистая и без дороги. Ангары и палатки стояли скрытыми на опушкѣ лѣса и найти нас было довольно трудно. Семен охотно вызвался. Дѣлать ему было нечего и он отправился часов в 8 утра. Поѣзда шли безпрерывно. С каким эшелоном ѣхало нужное нам лицо — угадать было, конечно, невозможно, почему вѣстовой и был отправлен заранѣе. Встрѣчать гостя Семен поѣхал на мотоциклетѣ, отняв каретку.

— Во сколько он пріѣхал?

— В десять.

— Как ты его нашел?

— Я? Ни, комендант вытащив.

— И ты с десяти часов тащил его сюда? Сейчас четыре.

— О, вин—дюжій хлопец! Аж упарився.

— Почему не на мотоциклетѣ.

— О, якой мотоцикло: пѣхтурой работы богацко було.

Выбравшись из-под палатки, я сказал Семену, чтобы он оставил гостя в покоѣ, а поскорѣе принес новый шест и, натянув палатку, прибрал все попрежнему.

В ангарѣ я закончил перевязку руки, осмотрѣл свой Ньюпор, погладил его по крылышкам и, забравшись в кабинку, подумал, засыпая про нашего гостя: „Да, дюжій хлопец, язви его!“

Проснулся я очень поздно. Солнце сѣло и на небѣ отчетливо поблескивали первыя звѣзды. Часовой сообщил мнѣ, что сейчас половина десятаго.

Я спрыгнул с кабинки и вышел из ангара.

В темнотѣ копошились люди; тянули аэропланы, телѣжки, подушки. На фонѣ звѣзднаго неба силуэтами вырисовывались стройные контуры крыльев, фюзеляжей, тупоносых радіаторов и капотов, медленно и величаво двигающихся с поля к ангарам.

Чудилось, что ползут не машины, а какія-то живыя чудовища до-мѣлового періода: огромныя, мрачныя, грозныя, жестокія и безпощадныя. Ближе, ближе. Но нѣт, сейчас можно различить поднятый кверху хвост аппарата, телѣжку и десяток людей-пигмеев, вцѣпившихся, как муравьи, в крылья, корпус и хвостовую ферму...

Обогнув машины, я прямо через поле подошел к своей палаткѣ.

У входа появился Семен.

— Что?

— Спыть.

— На землѣ?

— Ни, на койкѣ.

— Все привел в порядок?

— Усе.

— Ужин готов?

— Е.

Семен засуетился и зажег ночник, накрыв его

большим абажуром, чтобы сверху не было видно. На порогѣ он выжидательно повернулся.

— Ты что, Семен?

— А Бугаева, Ваше Выскороді, нема. И Костомарова тож.

Кусок остановился в горлѣ.

— Сбиты?

— А хто знат: говорять—нема.

Я бросился в палатку командира. На полу, на стульях и гдѣ попало у него сидѣли наши летчики и наблюдатели. Командир в бинтах лежал на койкѣ.

— Я слышал—опять потеря?

— Даже двѣ.

— Бугаев и Костомаров.

— Да.

— Каким образом.

Сидѣвшій на бомбах ротмистр Массальскій разсказал: «Я вел пять машин. Было почти темно. Бугаев отстал, отбился. Слышим — стрѣльба сзади. Повернули назад и налетѣли на нѣмцев. Началась драка, Совсѣм стемнѣло. Перемѣшались мы, перепутались... получилось какое-то столпотвореніе... каждый хлестал из своего пулемета в перваго встѣчнаго, свой, чужой—в потьмах не разберешь. Подвертывается какая-то машина... я за нею... стрѣляю в темнотѣ наугад... подхожу в упор и наталкиваюсь на своего Лебедя. На сто сажен — зги не видно. Внизу ружейная перестрѣлка... германская артиллерія бьет по одному мѣсту перед своими окопами, может быть по аппарату, Пошли на костры, сѣли, а Бугаева до сих пор нѣт. Бензин взят на три с половиною часа, а со взлета прошло уже пять. Если не сбит, то»...

Он замялся и пожал плечами.

— Не помните-ли на каком участкѣ все произошло?

— Приблизительно.

— Справьтесь по телефону.

— Есть. Массальскій вышел.

В палаткѣ наступила тишина. Бывают такіе моменты, когда слышишь, как колотится собственное сердце. Так и в этот раз. Никто, конечно, не вѣрил, что Бугаев с коллегой убиты. Нѣт, Боже сохрани. Вот сейчас они войдут в палатку, улыбающіеся, здоровые, веселые; один веснущатый, второй загорѣвшій на солнцѣ, как старинная бронза.

Массальскій вернулся и сообщил, что с передовых позицій видѣли, как какой-то аппарат упал у нѣмецких загражденій, но чей аппарат — неизвѣстно.

Принесли телефонограмму. Командир вскрыл пакет и прочел: «В мѣстечкѣ X (в полуверстѣ от нашей стоянки) сѣл нѣмецкій самолет с двумя летчиками. Один серіозно ранен. Командируйте эксперта для выясненія степени пригодности самолета.»

К концу чтенія телефонограммы вошел Семен. Ему всюду можно было входить без разрѣшенія. Он всплеснул огромными ручищами и неодобрительно закачал головой:

— Хм, це не годиться. Дохтур говорит, що командиру треба не волноваться, а вы усѣ зараз балакаете. Подемо до дому! Он безцеремонно затушил свѣчу и добродушно — ворчливо вытолкал нас из палатки.

Вот чучело! Поневолѣ пришлось расходиться.

В эту ночь мнѣ выспаться не удалось.

Пока Семен подогрѣвал мнѣ остывшій ужин, я безучастно лежал на койкѣ и думал о Бугаевѣ. Вспомнились мнѣ его отвѣты в теоретическом классѣ по тактикѣ воздушнаго боя. Блестящіе баллы, богатая сметка и прекрасная память. Но что такое тактика воздушнаго боя? Это вродѣ шахматной игры, гдѣ есть концы партій и начала, а середины

нѣт. Как хотите, так и бейтесь. Вот и пропал Бугаев.

Думы мои были прерваны пробужденіем гостя.

Он поднялся на кровати и, схватившись за голову, взглянул на меня. Я в свою очередь всмотрѣлся в его лицо.

Не помните ли вы сагу о Вёльзунгах? Сигмунд и сын его Синфьётле.

Из мрака вѣков, навѣяннаго эпическими памятниками, предо мною выпукло обрисовалось лицо Синфьётле.

Какая-то подсознательная жалость пробудилась во мнѣ и я обратился к нему с шутливым вопросом; «Трещит?»

— Не трещит, а вдребезги уже развалилась.

— Выпейте крѣпкое кофе.

— Нѣт, благодарю,—займусь починкой. А гдѣ этот Эфіоп?

— Не Эфіоп, а Семен, Ваш Скороді!

— Ты знаешь, того... гость щелкнул по горлу указательным пальцем.

— Цэ е! Семен полѣз в ящик, достал бутылку коньяку и, откупорив, поставил ее на стул перед койкой.

Дюжій хлопец, разболтав бутылку, приложил горлышко к губам и, не отрываясь, высушил весь коньяк одним залпом. Хотя бы мигнул или закашлялся.

Семен аж крякнул от удовольствія, проглотил слюнку и отер тараканьи усы.

— Цэ—гарнэ!

Я тоже такой фокус видѣл в первый раз.

Послѣ этого номера гость опустил с койки свои ноги и встал. Только тут он замѣтил мои погоны и начал извиняться. Он, видите-ли «переборщил» во время его проводов; в вагонѣ ѣхал, как во снѣ. Добавлял на каждой станціи, а как попал

сюда — не помнит. Смутно представляет возню с Семеном, который обладая циклопической силой, тащил его под руку.

— Видѣл меня командир?

— На ваше счастье—нѣт.

— Отлично, завтра представлюсь.

Он разспрашивал меня об аппаратах, о работѣ, о составѣ отряда.

— А командир пьет?

— Почти нѣт, случайно. Сейчас ему нельзя.

— Тяжело ранен? Я слышал—чуть не угробился?

— Вродѣ того.

— А вы пьете?

— Бывает.

— Вот—хорошо. Люблю пьяниц!

— Позвольте?!...

— О, я не про вас, а вообще. Хорошій народ—пьяницы и, главное, они гарантированы от всѣх несчастій и пораженій.

— Оригинальное мнѣніе!

— Не мнѣніе, а глубочайшее убѣжденіе. Представьте цѣлый год летал без передышки. Трезвым поднимался только два раза и в оба эти раза был сбит.

— Легко отдѣлались?

— Второй раз—не совсѣм.

Он поднял абажур, разпахнул китель и снял сорочку.

Перед моими глазами обрисовывался великолѣпный торс, напомнившій мнѣ ушедшую в вѣчность эпоху гладіаторов и мифов. Это не была фигура профессіональнаго атлета, обычно массивная и пошлая, нѣт—здѣсь был божественный образец красоты и мощи, образец, достойный рѣзца Родэна.

Но у меня закружилась голова, когда он повернулся и встал ко мнѣ спиной.

Спина, как мы ее представляем, собственно говоря, совершенно отсутствовала. Была не спина, а чорт знает, что такое. Шрам — не шрам, бифштекс—не бифштекс; ровно свиньи рылись у него в разных мѣстах и перекопали всю ту площадь, которая раньше называлась спиной.

Не терплю я страданій! Умереть сразу, убить сразу—другое дѣло: ни боли, ни мученій, а получить вот такую штуку—бррр... лучше умереть.

— Как это вы ухитрились?

Он одѣл сорочку и отвѣтил: «Трезв был, ну и понятное дѣло: чего-же ожидать хорошаго?»

— Давно?

— Мѣсяца четыре назад. Регулярно летал на Сопвичѣ и все шло благополучно, а тут захотѣлось Вуазен попробовать. Машина новая, еще не испытанная; какова регулировка — Аллах вѣдает. Пропал—думаю—день для меня: выпить не придется, зато послѣ пробы можно навернуть потерянное с авансом. Выхожу на полет. Гляжу—коровушка (Вуазен) блестящая, пахнет эмалитом. Залѣзаю в гондоллу, пробую мотор. Сальмсон работает прекрасно. Рванул ручкой и перевел мотор на полный газ. Прекрасно оторвался, прекрасно набрал высоту и вдруг—нѣмец. И замѣтил-то я его тогда, когда он перебил мнѣ кабанчик у стабилизатора. Толчек. Смотрю—вмѣсто стабилизатора болтаются лохмотья. Нѣмец обходит с фланга и пострѣливает. Наблюдателя нѣт, драться нѣчем (не проткнешь же его глазами). Хотѣл удрать. Я даю ручку вперед, а машина на хвост садится; я еще вперед—гондолла выше и выше. Ручку до отказа—хвост провисает и вдруг машина с полным мотором принимает вертикальное положеніе. Выключаю мотор—контакт не дѣйствует. Я сектором—мотор глохнет. Корявое, думаю, дѣло. Лежу на спинѣ и сыплюсь вниз в таком положеніи. Я туда, знаете-ли,—

я сюда, понимаете-ли. Ни ручка, ни педали не дѣйствуют. Нѣмец удовлетворенный уходит кверху.

Сколько времени падал я хвостом вниз—не помню. В послѣдній момент я отвязался и хотѣл выпрыгнуть (земля была метрах в 80), но никак не мог встать ногами на спинку кресла, т. к. аппарат падал скорѣе меня и я притягивался к нему за ремни. Двѣ, три секунды и хрррясть! Что было не помню. Очнулся в лазаретѣ. Хорошо, что удар съамортизировался поломкой хвостовой фермы. Будь я на ногах—отдѣлался бы парой зубов и царапинами, а здѣсь я спиной процарапал мотор и в результатѣ—четыре мѣсяца лежанія.

Сейчас летать трезвым—дудочки-с! А будь я в пол свиста—я увѣрен ничего не было-бы.

Уже брезжил разсвѣт, когда я, откинувшись на подушку, начал тяжело забываться. Засыпая, я вспомнил, что я даже не разспросил его: кто—он, откуда, как зовут.

Захотѣлось пить. Налив стакан холоднаго чая, я достал из корзины ром и добавил немного в чай. Оставив бутылку на столѣ, я потушил ночник и в полумглѣ разсвѣта, с наслажденіем вытянулся на своей походной постели.

Секунда сна, гнет кошмара, момент тяжелаго оцѣпенѣнія. Другими словами—сон на фронтѣ. Кто-то дергает меня за руку и я вскакиваю.

Уже свѣтло. Семен трясет меня то за одну, то за другую руку и кричит: „Нѣмцы!“

Сзади него с невозмутимым спокойствіем сосѣд допивает мою бутылку рома.

На аэродромѣ стрѣльба, грохот сбрасываемых снарядов, спѣшка. Доносятся крики, приказанія.

Одним прыжком я вылетаю из палатки и кричу мотористам: „Выводить машины“.

В воздухѣ гул от непріятельских самолетов, цоканіе пулеметов, безпорядочная ружейная перестрѣлка. Дымка тумана.

Механик поднимается из кабинки моего Ньюпора и смотрит в мою сторону.

— Мотор,—жестом спрашиваю я его.

Он утвердительно машет перчаткой и я поворачиваюсь в палатку за каской и рукавицами.

Еще рвется бомба и второй германскій самолет идет на сбрасываніе.

Разозленный, я бросаюсь к столику, гдѣ лежит каска и вдруг сталкиваюсь с сосѣдом, который с силой откидывает меня в сторону, прямо на полотнища палатки.

Мелькнуло его озвѣрѣвшее лицо, кровью налитые глаза, и он гигантскими, чисто звѣриными прыжками подбѣжал к Ньюпору.

Когда он был уже около аппарата, я замѣтил, что он в моей каскѣ и рукавицах.

— Неужели полетит послѣ цѣлой бутылки рома?

Я бѣжал, кричал, размахивал руками, чтобы не заводили мотора, но новая бомба упала между мной и мотористами, закрыв от меня Ньюпор.

Когда разсѣялся дым и улеглась пыль, я увидѣл, что Ньюпор крутою спиралью набирает высоту.

Подбѣжав к другой машинѣ, я не провѣряя мотора, с перебоями оторвался от земли.

Над лѣском парили два нѣмецких бомбовоза и один истребитель.

Чтобы набрать скорѣе высоту, я шел прямыми с небольшими разворотами и взбирался ступеньками. Едва дотянул я до пятисот метров (противник был на 600), как мой мотор предательски сдал. Планируя, я закрыл сектор и начал постепенно открывать его, но получились уже не перебои, а пропуски в двух цилиндрах и мнѣ пришлось сѣсть на землю верстах в пяти от аэродрома.

Сколько раз я давал себѣ слово не летать на

невывѣренных моторах и каждый раз я жестоко раскаивался и проклинал себя, что не сдержал этого слова.

Я сѣл недалеко от шоссейной дороги, по которой из-за лѣса гуськом медленно брели какіе-то тѣни, присѣдая и останавливаясь. Я подошел к ним и увидѣл, что это легко раненые перебираются вмѣстѣ с походным лазаретом. Я спросил—не поможет-ли мнѣ кто нибудь из них. Согласились охотно всѣ: безрукіе, с перебитыми руками, раненые в ноги и даже безногіе.

С кряхтѣніем, кое как мы подошли к аппарату. Я объяснил им как держать машину, а главное, не выпускать ее, когда я заведу винт.

— А сдержим?

— Сдержите. Только не давайте ходу, а пустите хотя на вершок вперед—пропала машина, да и вас может покалечить.

Я нашел холодные цилиндры, вывернул свѣчи, промыл их и, залив бензином, включил контакт.

— Сейчас держите!

— А ну, держи крѣпше!—скомандовал с выбитым глазом старшой.

Поплевали в здоровые руки, уперлись ногами и клюками в землю.

Я повернув лопасть винта и мотор заревѣл. Боже, что за музыка! Обѣжав крыло, я забрался в кабинку.

— Спасибо. Разбѣгайтесь!

Они шарахнулись в стороны и замахали мнѣ руками.

Прибавил газ, тронулся, побѣжал, оторвался и подо мною опять появилась моя родная картина: плывущіе лѣса, рѣки, поля, горы, болота...

Взглянул вперед. На аэродромѣ—заводка машин по ангарам. Оглядѣл все небо — нѣт никого. Дыма нѣт, слѣдовательно все благополучно. В сто-

ронѣ, верстах в четырех на запад, ярко горѣл костер и копошились точки.

— Я сѣл.

Прежде всего сердце мнѣ подсказало, что не все было благополучно. Грузовика на мѣстѣ не было, в палатках тишина и мотористы с выводными работали молча. Не слышно выкриков и шуток. Ньюпоровскій ангар был пуст. Подбѣжавшіе мотористы сказали мнѣ, что Ньюпор сбит и, что упал он в западном направленіи верстах в трех, четырех отсюда.

Сдав аппарат хозяину, я пѣшком направился к тому мѣсту, гдѣ я видѣл костер и через час наткнулся на своих людей, стоявших вокруг обгорѣвшей лужайки. В центрѣ торчали обуглившіяся массы Ньюпора и подобіе мотора. В сторонѣ у грузовика прямо на землѣ сидѣл командир и весь перемѣнный состав.

Командир увидѣл меня.

— Не подвезло?

— Мотор сдал.

— Слышали. Как обратно?

— Помогли раненые.

— Кто—такой? Командир указал пальцем на что-то.

Я взглянул в том направленіи и позади откинутаго борта грузовика на переносных носилках, покрытых свѣжею простынею, увидѣл черную массу чего-то, аршина в полтора длиной. Разсмотрѣть было невозможно, но я чутьем догадался, что этот обуглившійся кусок мяса— мой бывшій сосѣд.

Подробно я разсказал командиру вчерашнее происшествіе. Он выслушал меня и сказал; „По спинѣ мы узнаем кто—он, а пока составьте акт и донесите о потерѣ в штаб арміи с просьбой прислать пополненіе"...

Раненый командир на грузовикѣ уѣхал в отряд.

Составляя акт, мы выяснили, что мой сосѣд

был наповал убит в воздухѣ: во лбу обнаружено входное пулевое отверстіе и затылок вырван при выходѣ пули. Аппарат падал с полным мотором. При ударѣ об землю у летчика оторваны ноги раздроблены шейные позвонки и грудная клѣтка. От искры магнетто взорвался бензиновый бак и летчик сгорѣл вмѣстѣ с аппаратом.

* * *

Через два дня мы отступали. Нас перебросили на лѣвый участок фронта. Передвигаясь с мѣста на мѣсто, мы, в концѣ концов, потеряли всякій слѣд о „моем сосѣдѣ".

* * *

Да, хороши были когда-то русскія поговорки, а сейчас, когда Фербуа дѣлает 488 кл. в час, онѣ немного устарѣли.

Лія.

Странный случай произошел со мною в прифронтовой полосѣ, к югу от Варшавы.

Подробности не интересны. Скажу вкратцѣ: я только что окончил авіаціонную школу, отлетал положенное количество тренировочных часов и прибыл в дѣйствующую армію. Должен замѣтить, что за моею спиною было двадцать лѣт и мечтанія о погонах с четырьмя звѣздочками, с георгіевским крестом, оружіем и всѣми существующими знаками отличія.

Честолюбіе, видимо, заѣдало.

Разочарованію и отчаянію не было границ, когда в отрядѣ, гдѣ был назначен я, на шестерых летчиков в палатках-ангарах стояло всего три машины, не считая весьма сомнительной прочности и конструкціи моноплана Марчета. Командир успокаивал меня, говоря, что ожидает присылки машин, а пока принимая во вниманіе мою малоопытность, предлагает мнѣ летать на Марчетѣ в тылу.

Это было насмѣшкой судьбы, т. к. я горѣл желаніем драться, стрѣлять, бомбить, рвать и метать.

В добавленіе к моему унынію на Марчетѣ даже пулемета не было.

Хорош, нечего сказать, военный летчик!

За вечерним чаем я ближе познакомился со своими сослуживцами: они были обстрѣлянные, имѣли бои, отвѣтственныя развѣдки; люди боевые, нѣкоторые не раз раненые. Среди них я чувствовал

себя приготовишкой, над которым явно не смѣются но осязается превосходство старшекласников.

Один из них, тоже двадцатилѣтній, был произведен в чин штабс-капитана.

Лег спать с ощущеніем полнаго банкротства.

На другой день в семь часов утра командир вызвал меня, положил передо мною карту и объяснил мнѣ:—Вот—наш участок. Вот сюда, вот в это мѣсто (он ткнул пальцем налѣво) с наступленіем темноты должны подойти наши резервы для прорыва фронта противника. О нашем планѣ узнали нѣмцы и прорыв отмѣняется. Вы полетите на Марчете вдоль по этому шоссе, здѣсь шоссе отходит в сторону, вы идете по компасу и садитесь в этом мѣстѣ для пополненія бензина. Увидите знак: бѣлый квадратный щит с голубой полосой по діагонали. Пополните бензиновый бак и летите дальше вот в эту точку. Точка—штаб корпуса. Передайте этот пакет командующему арміей.

С таким-же пакетом летит еще один летчик другого отряда.

Если встрѣтитесь с непріятелем — удирайте. Приказ должен быть получен до наступленія темноты. Обратно возвращайтесь той-же дорогой. Можете заночевать в штабѣ или в пути.—

Марчет стоял готовый к полету.

Провѣрив, что пакет лежал во внутреннем боковом карманѣ куртки, я полетѣл. Аэродром блистал от росы. Я шел низко над землею, чтобы лучше разсмотрѣть лѣса, рощи, кустарники, рѣки и болота.

Шоссе извивалось с лѣвой стороны. Вправо, невидимый в утреннем туманѣ, был загадочный и незнакомый мнѣ фронт.

Дорога уступами понижалась по краю безконечнаго оврага, прерывалась ручьем и живописными зигзагами уходила влѣво. Я потянул по магнитной стрѣлкѣ.

Леса, лѣса и лѣса, зеленые, бархатные, точно вымытые.

Прозрачный, чистый воздух. Верстах в пятнадцати впереди меня показался столб пыли. Гдѣ есть пыль, дым и грязь, там обязательно человѣк живет.

Так и есть: под кабинкой проскочило село.

Вглядываясь в растилающіяся подо мною картины, я потерял счет времени и опомнился тогда, когда на небольшой полянѣ у рѣки, в нѣскольких верстах в сторонѣ я увидѣл бѣлую геометрическую фигуру: квадрат с голубой лентой.

Взглянул на хронометр—половина двѣнадцатаго.

Спустился в расположеніе автомобильной роты, пополнил бензиновый бак и спросил у шоффера:—Что это за шум у вас?—

— Какой шум?—

— Да, слышите, гул, артиллерія бьет.—

— Это на позиціях.—

— Далеко онѣ?—

— Двѣнадцать верст.

Мнѣ запустили винт и я полетѣл снова. Я вскорѣ подосадовал, что не спросил шофера—найду-ли я их на обратном пути, будут-ли они стоять на мѣстѣ до вечера или передвинутся.

Я осмотрѣлся: вилка рѣки, ярко желто-зеленая большая поляна, лѣс острым углом. Найти можно без условнаго знака.

В четыре часа пополудни я разыскал расположеніе наших резервов и, выбрав площадку, сѣл.

Пакет был немедленно передан, вскрыт при мнѣ, и генерал, прочтя, удивленно поднял брови.

Еще раз прочел внимательно бумагу. Видимо распоряженіе сильно взволновало его. Он конвульсивно смял пакет в кулакѣ и строго взглянул на меня.

— Когда доставите обратно мой отвѣт?—

— Завтра, Ваше Превосходительство. Машина

ночных приборов не имѣет, меня не ждут и сигнальных огней на аэродромѣ не будет. Но я могу вылетѣть сейчас, с наступленіем темноты заночевать в пути, затемно вылетѣть и к разсвѣту быть в отрядѣ.—

— Мой пакет должен быть в штабѣ командующаго до шести утра. Хотя-бы за одну минуту до шести. Поняли? Вы должны это сдѣлать! Понимаете. Вы должны.

— Есть, Ваше Превосходительство.—

— Ваша фамилія?—

Адъютант записал меня в своей книгѣ.

Бензин был немедленно разыскан и налит в бак. Тѣм временем генерал черкнул нѣсколько слов в блок-нотѣ, запечатал лист в конверт и передал мнѣ.

Вылетѣв в пять с половиною вечера обратно, я встрѣтил шедшій на посадку Вуазен и позлорадствовал:—Поздно, голубчик, поздно. Можешь колбасить обратно: пакет уже передан мною...—

Вуазен шел со вторым пакетом одного и того-же содержанія, на случай если одна из машин испортится.

Я ликовал: все таки я первый!

Лѣса, рощи, луга, рѣки, дороги, поля, болота...

Села, деревни, помѣстья...

Секунда за секундой, верста за верстой...

Шесть, семь, семь с половиною вечера...

Солнце сѣло.

Бензин на исходѣ. Вечерѣет, скоро начнет темнѣть.

Неужели заблудился.

Пошел вправо, потом повернул в лѣвую сторону—незнакомыя мѣста. Мнѣ необходимо было сѣсть засвѣтло. Пока машина цѣла, я мог гдѣ нибудь достать бензин: передовыя позиціи недалеко. Если-же я промедлю и придется садиться в темно-

то легко можно поломать машину и тогда я проиграл все.

Выключил мотор и начал снижаться.

Я перелетѣл через хутор и, огибая рощу, замѣтил у пруда темное строеніе замка или костела, в полуверстѣ от котораго я намѣревался сѣсть на площадку.

— Нѣт-ли канавы или рытвины—подумал я, прижимая хвост к землѣ. Лужайка оказалась замѣчательно ровной.

Было темно.

Выбраться из Марчета и осмотрѣться было дѣлом нѣскольких секунд.

Сначала рѣшил итти к замку, спросить—гдѣ поблизости стоят русскія части.

Пошел напрямик.

Поверхность понижалась и привела меня к болоту. По кочкам можно было пробраться, перескакивая с кочки на кочку, но дальше виднѣлось открытое мѣсто и пришлось повернуть обратно.

Большая кочка, на которой росло молодое деревцо под моей тяжестью поддалась и медленно начала опускаться в топь. Забулькали пузыри.

Пришлось снова прыгать по кочкам и выбираться на прочное мѣсто.

Взял влѣво вдоль болота.

Саженях в двустах от предательской кочки я наскочил на копошившуюся по пояс в водѣ странную человѣческую фигуру с предлинной сѣдой бородой. Вот и лѣшій—подумал я и крикнул:—Эй, дѣд!—

Лѣшій испуганно отпрянул от воды и, зашептав, перекрестился.

Чтобы успокоить его я снял фуражку и тоже перекрестился.

Старик, наблюдая за мною, увѣренно шагнул из камышей и пошел в брод ко мнѣ, волоча тальникову морду. По пути он выбрал карасей, переложил их в сѣтку, заклинил морду и, подойдя, спросил:—Ты чево это: салдат што-ли?

— Солдат, дѣдушка.—

— Ты громче говори: я туг на ухо. Дык чево-же это ты в болотѣ-то торчишь?

— Дорогу потерял. Гдѣ наши солдаты?

— А не видал я. Здѣсь никого нѣтути...

— А сколько верст до позицій?

— До позицій верст сорок пять, пожалуй, будет.

Здорово-же я заблудился.

— А тут гдѣ нибудь стоят солдаты?

— Ни. А вот по шошѣ часто идут и ночью и днем.

— Гдѣ?

— По шошѣ. Вот как пройдешь хутор, так за хутором недалече шоша идет. Там завсегда можно найтить солдатов.

— А как мнѣ ближе пройти на шоссе?

— Да прямо можно через болото. По пояс, не глубоко. Вот гдѣ морды стоят. А по сю и ту сторону не ходи: затянет.

— Спасибо дѣд.

— Туточка дом один большой есть с садом, так ты ево в обход, в обход, в сторону, а напрямки нехорошо, хоша и ближе.

— Почему нехорошо?

— Мѣсто тут нечистое. Спокон вѣков дом этот пустой стоит. Ну, всякая там нечисть и водится: и утоплинники, и покойники, и русалки. Много сгибло народу. А ты в сторону.

— Хорошо, дѣд.

Я дал ему зелененькую и положив на голову полетную куртку с пакетом и револьвером, шагнул в воду.

В серединѣ брода воды было по колѣно.

Набрав в сапоги воды, я вышел на противоположный берег болота и зашагал по зарослям.

Через кустарники и поляну я подошел к развалившейся и полуистлѣвшей оградѣ рощи.

Давным давно, вѣроятно, эта роща была садом, т. к. можно было разсмотрѣть правильные ряды яблонь и вишневых деревьев, но с теченіем времени сад заглох, зарос и превратился в дремучую рощу, через которую трудно было пробраться.

Далеко в стороны уходили деревья и обойти их—значило потерять много времени.

На небѣ сверкали звѣзды.

Каждая минута была дорога и я рѣшительно шагнул в чащу.

Продираясь напрямик через кусты крыжовника, я вышел к ручью, откуда виднѣлось мрачное зданіе. К несказанной радости в верхнем этажѣ появился колеблющійся огонек, переходя с мѣста на мѣсто. Кто нибудь со свѣчей обходил верхнія комняты.

Кто-же может быть в домѣ привидѣній недалеко от фронта, как не армейская часть, нашедшая ночлег.

Пробираться стало веселѣе.

Кожаный костюм спасал меня от шипов.

Лѣс сразу оборвался. Сплошь заросшая чертополохом и крапивой лужайка перед зданіем имѣла слѣды курганов, цвѣтных клумб. Полуразрушенное непривѣтливое зданіе глянуло на меня зіяющими черными провалами окон. Кое гдѣ сохранились рѣшетки. Непріятно дѣйствовала особенная мертвая тишина: ни пѣнія птиц, ни стрекотанія кузнечиков.

Инстиинкт заставил меня остановиться.

Встал за дерево и начал всматриваться.

Дом, явно, не обитаем. Но я видѣл свѣт. Показалось! Глупо-же стоять перед пустым домом, гдѣ по дурацким преданіям водится нечистая сила.

И уже снова намѣревался выйти из-за прикрытія, когда, не знаю почему, я почувствовал, что

рядом со мною кто-то есть, и это, «кто-то»,—мой враг.

— Но кто?

Тот-ли враг, котораго можно свалить пулей или он из таких, что можно всадить в него без ущерба всю пулеметиую ленту.

Ах, как не нравится мнѣ этот потусторонній мір с его загадочными явленіями! Нѣт никакого желанія столкнуться с ним.

Реальная опасность—иное дѣло: там я вижу противника, знаю, что он тоже человѣк.

Но пакет в карманѣ. Во мнѣ зашевелилось новое чувство, до сих пор неизвѣданное: не погоня за четырьмя звѣздочками на погонах, не тщеславіе, не честолюбіе, а мой долг. Не зная содержанія, я чутьем сознавал, что донесеніе мое—особой важности. И до шести утра оно должно было быть в руках командующаго арміей.

Если я заблудился, то может заблудиться и летчик на Вуазенѣ. Сдаст мотор и завтра в шесть утра произойдет катастрофа, зря погибнут десятки тысяч жизней.

Мнѣ рисовалась картина полнаго разгрома русской арміи, паническое бѣгство, хаос, позор...

У разрушенных колонн подъѣзда появились три тѣни и исчезли. Опять мираж?

Внутренній голос издѣвался надо мною:—Ну и баба-же ты! А еще летчик. Куда тебѣ! Ты только на балах корчишь из себя героя, а на дѣлѣ ты подлый трус, гнус, гадость. Подавай-ка рапорт о переводѣ в кашевары. Вот спеціальная должность для тебя: и не страшно и без риска. Чисть картофель и мой горшки—вся обязанность.

Говорил другой голос:—В замкѣ—шпіоны или дезертиры или мародеры. Осторожно войди в дом.

Третій голос нашептывал:—Войдешь в дом и захлопнутся за тобою окна и двери и ты увидишь то, от чего дыбом встанут волосы.

На четвереньках я подкрался к окну и заглянул внутрь. Молодая луна бросала на пол четыреугольные блѣдные блики. Стекла были выбиты, кое как держались рамы.

Я вынул револьвер и полѣз в окно. Полы предательски затрещали.

В большой комнатѣ царила мерзость запустѣнія. Присѣл на пол, затаил дыханіе — никого нѣт. Осторожно ступая по половицам прошел в слѣдующую комнату. Никого, в третью, в четвертую—ни души.

Вошел в вестибюль, откуда во второй этаж поднималась широкая и пологая рѣзная лѣстница.

Окна были расположены в два ряда, благодаря чему вестибюль был лучше освѣщен.

Вѣроятно я находился в серединѣ нижняго этажа. Итти-ли мнѣ дальше или подняться наверх. Свѣт падал из верхних окон, кто-то был наверху, поэтому мнѣ необходимо осмотрѣть верхній этаж.

А почему необходимо?

Не лучше-ли бросить идіотскую затѣю и скорѣе бѣжать на шоссе.

В это время наверху что-то скрипнуло...

Я прислушался.

Скрипнуло еще, еще...

Я застыл на мѣстѣ.

Скрип раздавался ритмически, громче и ближе...

Кто-то приближался ко мнѣ, крадучись...

Шаги остановились над моей головой.

Тишина...

Вдруг с визгом распахнулась ржавая дверь и на лѣстницу упал зловѣщій голубой луч, пошарил по полу, пробѣжал и остановился на двери, через которую я прошел, идя сюда, побѣжал обратно и снова остановился на лѣстницѣ, освѣщая перед собою путь.

Я поднял револьвер и ждал, когда луч упадет на меня.

Привидѣніе в пяти шагах от меня попало в полосу луннаго свѣта, падавшаго из окна второго яруса и я увидѣл стройную женскую фигуру, сказочно-красивый профиль и двѣ бѣлокурыя косы.

Русалка, не замѣтив меня, прошла мимо и скрылась в анфиладѣ комнат. На нѣкотором разстояніи я послѣдовал за нею.

В послѣдней комнатѣ русалка потушила свѣт и вышла из дома.

Я бросился к окну и, перепрыгнув через подоконник, замѣтил скрывшуюся среди деревьев женщину в темном платьѣ.

Видно не суждено мнѣ быть Слѣдопытом: я вскорѣ потерял свою незнакомку и только едва замѣтная тропа вела меня в сторону от дома привидѣній.

Минут через двадцать я увидѣл огни хутора.

У околицы меня встрѣтил лай собак.

На порогѣ первой избы сидѣла убогая древняя старуха. Она была совершенно глуха и ничего не поняла из моих разспросов.

Подошел к слѣдующей избѣ, постучался и не дожидаясь отвѣта, отворил дверь.

Прямо передо мною, освѣщенная мягким свѣтом керосиновой лампы стояла ослѣпительной, демонической красоты моя бѣлокурая русалка с двумя косами. Грубая крестьянская одежда выпукло обрисовывала ея совершеннѣйшія формы и нисколько не портила общаго впечатлѣнія.

Я растерялся.

Как обратиться к ней: как к деревенской дѣвушкѣ—на ты или?..

Одѣтая бѣдно, она выглядѣла королевой и в гордом наклонѣ головы сквозила привычка повелѣвать.

Она не удивилась моему вторженію, не заробѣла, как деревенская дѣвушка при встрѣчѣ с ба-

рином, нѣт,—она вопросительно смотрѣла на меня своими чудными, подкупающими довѣріе глазами русалки и, наконец, улыбнулась.

При видѣ ея улыбки мое оцѣпенѣніе перешло в безудержное влеченіе к ней и я спросил: — Простите меня. Я голоден, устал. Нѣт-ли у вас стакана молока, яиц и куска чернаго хлѣба? Я был-бы вам безконечно благодарен.

Она сверкнула на меня прекрасными глазами и лукаво улыбнувшись, отвѣтила: — Для вас—все найдется.

На столѣ появились малороссійскіе вареники, поросенок, пирог с дикой уткой и яйцами, малосольные огурцы и объемистая ендова с вином.

Я слѣдил за ея движеніями, полными граціи и не понимал что творится со мною. Кровь загорѣлась во мнѣ и била в виски.

— Вы—летчик?

Нѣт—врал я—автомобильной роты.

— Значки военнаго летчика.

— Да, я—летчик, но временно командую автомобильной бригадой.

— Это что за бригада?

— А, видите-ли, это новая боевая единица: два автомобильных дивизіона.

— Командир такой крупной части и—прапорщик?—удивилась она, раскладывая на столѣ вилки.

У меня покраснѣли уши, но уж если врать, то врать до конца и я отвѣтил:

— Я давно уже произведен в чин подполковника, но нѣт утвержденія.

— А-а?

Она подошла ко мнѣ, с милой граціей котенка взяла под руку и заглядывая в глаза, отчего я окончательно потерял голову, подвела к накрытому столу.

— Ваше мѣсто, а мое—напротив.

— Никогда, ни за что! Нѣт, нѣт, не согласен:

мы сядем рядом, -- возразил я, чувствуя, что для меня начинается игра ва-банк.

Она разсмѣялась тихим грудным смѣхом и глаза заблистали призывным огнем.

— Вы должны выпить за мое здоровье.

— Обязательно! За прекраснѣйшую, за самую милую женщину, за ея глаза, способные в один миг превратить меня в пепел. Ваше имя?

— Лія.

— За ваше здоровье, Лія,—и я не отрываясь, залпом осушил вмѣстительную глиняную кружку вина.

— А ваше имя?

На глаза попалась широкая русская печь с лежанкой и я отвѣтил:—Полковник Печников.

Что это было за вино, не знаю. Вообще я сильный человѣк и бутылкой джина меня не удивишь. А послѣ двух кружек, выпитых минут через пять одна послѣ другой, со мной стряслось нѣчто необычайное. Фронт далеко отодвинулся, исчезло понятіе о времени и обязанности. Голова горѣла. Ничего не существовало кромѣ Ліи.

Я цѣловал ея нѣжныя, точеныя руки от кончиков пальцев до локтей, ея роскошныя косы, стоял перед ней на колѣнях, объяснялся ей в любви и требовал и настаивал, чтобы она немедленно переѣхала к моим родителям.

Что я ей говорил — не помню, вѣроятно все выболтал.

Я был в гимнастеркѣ. Куртка с пакетом валялась в углу на лавкѣ.

Голова была в огнѣ. Нестерпимый жар заставил меня выйти на крыльцо к висѣвшему там умывальнику и подставить затылок под холодную струю воды.

Через неплотно прикрытую дверь я наблюдал за Ліей, боясь, как-бы она не увидала меня в таком безобразном видѣ. И мнѣ невольно приш-

лось подсмотрѣть, как она проворно спрятала какую-то вещь под матрац.

— Секреты, — пришла в голову ревнивая мысль. А кто—Лія? Барышня или дама? Деревенская или случайно на хуторѣ?

Она ждала меня за столом. Усѣвшись рядом с ней, я не выдержал:—Лія, вы—барышня?

— А вы хотите сдѣлать мнѣ вторичное предложеніе?

— Не шутите, Лія.

— Вы серіозно говорите?

— Ну, как мнѣ увѣрить вас. Вы-же видите, что я с ума схожу.

— Бѣдный мой!

— Лія, почему вы живете на этом хуторѣ?

— Я—бѣженка. Папа и мама убиты случайным снарядом в Варшавѣ. Попал в наш дом.

— Что вы намѣрены дѣлать?

— Оставаться здѣсь до окончанія войны. Думаю, что безопасно. Вы не знаете: на этом участкѣ можно ожидать передвиженій? Я так жду, когда наши прорвут фронт. Заняли-бы Варшаву и я вернулась-бы домой. Не знаете?

— Завтра узнаю.

— Завтра? Почему?

— Лія, не спрашивайте меня. Сам ничего не знаю.

— Я—женщина и, как женщина, любопытна. Вы кушайте, а я на секунду выйду сказать сосѣдям, чтобы завтра на обѣд мнѣ принесли рыбу. Приходится заказывать с вечера, — вдруг перемѣнила она разговор и вышла.

Не отдавая себѣ никакого отчета, на почвѣ ревности, может быть, я подошел к кровати, откинул матрац и, достав оттуда два конверта, положил их в наружный карман своей куртки и куртку снова бросил на лавку.

Лежавшій на лежанкѣ старый, разорванный пополам номер „Биржевых Вѣдомостей был мною аккуратно сложен и брошен под матрац на мѣсто, гдѣ раньше лежали конверты.

Вот тебѣ взамѣн писем!

Довольный, что так ловко завладѣл интересующими меня конвертами, я с большим аппетитом принялся за ужин.

А мой пакет?

Я сорвался со скамьи и схватил полетную куртку. Слава Богу! Карман по прежнему заколот большой англійской булавкой. Просунув палец внутрь, я успокоился: пакет на мѣстѣ.

А сколько сейчас времени?—забезпокоился я. Далеко-ли до шоссе?

Вбѣжала Лія. Смѣющаяся, живая, жизнерадостная.

— Так плохо кушаете?

— Это потому, что вас нѣт рядом со мною. Садитесь, Лія, и скажите сколько времени?

— Немного, часов девять.

— Как мнѣ пробраться на шоссе?

— Прежним путем. Дорога одна.

Едва не выдал себя.

— Вы развѣ собираетесь уходить?—спросила она, наливая мнѣ новую кружку вина из ендовы.

— Да немедленно.

— Отложите до завтра! Нельзя? Тогда только на час, на два. Мнѣ так скучно одной. Цѣлуйте мои пальцы... сейчас ладонь, локоть... эту ямочку... Вы пили за мои глаза, теперь пейте за мои губы. Посмотрите. Развѣ онѣ вам не нравятся? Нравятся? Да? Да? Да?..

Звѣрь побѣдил человѣка.

* * *

Сознаніе вернулось с ощущеніем мучительной жажды. Во рту пересохло, смертельно хотѣлось пить.

Как в бреду выбрался на крыльцо и, припав к ведру, долго не мог оторваться.

Вода освѣжающе подѣйствовала на меня, вернулась память, зашевелились вопросы и в ужасающем видѣ оформилась лежащая на мнѣ страшная отвѣтственность.

Не прощаясь, я захватил куртку, перебросил ее через руку и в послѣдній раз взглянул на Лію, разметавшуюся во снѣ в постели, выбѣжал из лачуги.

За околицей навстрѣчу мнѣ шли три поселянина. Спрошенные мною—эта-ли дорога ведет на шоссе—они поспѣшно закивали головами и торопливо зашагали к хутору.

Странные люди!

Дорога сворачивала в лѣс. На опушкѣ я оглянулся. Три темныя фигуры подходили к домику Ліи.

До шоссе было минут пятнадцать ходу.

За тополевой рощей передо мною раскинулась по обѣ стороны прямая, как стрѣла, бѣлая, как мѣл, шоссейная насыпь, а в дали, верстах в трех от меня, к несказанному счастью, маячили блуждающіе огни-фары.

Обрадованный, в телячьем восторгѣ я выступил на середину шоссе и, размахивая каской, начал кричать, что было во мнѣ силы:—Стой! стой!..

По шуму и работѣ моторов нетрудно было догадаться, что мчались два мотоциклета. Передній, увидя меня, сбавил газ и подъѣхав, остановился.

Я бросился к нему с вопросами: Мнѣ необходимо достать десять бидонов бензина. Весьма экстренно. Гдѣ я могу?..

Фельдфебель, сидѣвшій на мотоциклетѣ, отвѣтил:—Вы обратитесь к начальству.

Подкатил второй мотоциклет. Вкратцѣ объяснил поручику свое положеніе и, попросив оказать

мнѣ помощь бензином и людьми, добавил: — Не забудьте: дѣло чрезвычайной важности.

Начальство быстро распорядилось:—Васильев, лети на базу, тащи сюда двѣнадцать бидонов бензина в прицѣпных колясках и двѣнадцать людей!

Как сатана сорвался с мѣста фельдфебель, застрѣлял выхлопной трубой и через четверть минуты, подняв пыль, скрылся из глаз.

— Хорошій у вас парень,—обратился я к поручику.

— О, да. Молодец! А гдѣ ваш аэроплан?

— По ту сторону болота, верстах в двух отсюда. У вас есть часы?

— Без двадцати двѣнадцать.

— Как далеко до вашей базы?

— Рядом. Верст пять, пять с половиною. Вы не безпокойтесь: через двадцать минут вы получите бензин.

Из разговоров с поручиком мнѣ удалось выяснить, что шоссе это и есть то самое, котораго я держался в началѣ полета и потом по картѣ отклонился в сторону. Заблудиться еще раз было невозможно: бѣлая полоса шоссе рѣзко выдѣлялась среди зелени.

Минуты тянулись медленно. Мною овладѣло безпокойство. Наконец появились долгожданные огни и до нас донесся отдаленный шум моторов.

Из кареток шести мотоциклетов выпрыгнули двѣнадцать молодцов, каждый подхватил по бидону бензина и мы быстрым шагом тронулись в путь.

С поручиком мы разстались братьями. На прощаніе он спросил меня: — Вы имѣете пакет к командующему арміей?

— Да.

— А дубликат находится у другого летчика, который должен летѣть вмѣстѣ с вами?

— Да, но откуда вы знаете?

— Видите-ли, летчик, имѣвшій эту копію, се-

годня в половинѣ девятаго вечера неудачно сѣл и поломал аэроплан. Сам не убился, но без сознанія.

— А гдѣ—он?

— Его положили в автомобиль для доставки в ближайшій госпиталь.

— А пакет?

— Вѣроятно с ним.

— Но пакет—срочный!

— Что-же дѣлать?

— Скорѣе пошлите людей в автомобильную роту и справьтесь — в какой госпиталь отправлен летчик с Вуазена.

— Вот тут-то и загвоздка: рота в походѣ. Гдѣ она сейчас, гдѣ искать?

— Пошлите людей по всѣм направленіям, забирайте пакет и отдайте его в любой из авіаціонных отрядов. Пакет должен быть вручен до шести утра.

— Шансов мало, но я попробую. Спѣшите, а я послѣ вашего отлета распоряжусь.

— Будьте здоровы.

— Досвиданія.

Минуя хутор, мы пошли вдоль по опушкѣ лѣса и, обогнув его, вышли к острому концу болота. Не замочив подошв, наш караван поднялся на площадку, гдѣ в полуверстѣ от нас стояла моя граціозная стрекоза с просвѣчивающими крылышками и матовым блеском холодных цилиндров.

Фельфебель Васильев предусмотрительно запасся бензиновой воронкой с широким горлышком. Бак был быстро наполнен. Мы опредѣлили направленіе вѣтра и оттащили Марчет к концу площадки. Я разсказал Васильеву—как держать мотор на контактах—и запустил винт.

Мотор заработал. Забравшись в кабинку и выключив мотор, я крикнул, чтобы отпустили машину. Когда всѣ разбѣжались, дал газ, сдѣлал небольшой разбѣг и оторвался.

Взглянул на болото, гдѣ я едву не утоп, на

брод, гдѣ встрѣтил лѣшаго, на мрачное зданіе, гдѣ нашел русалку, на маленькій домик, гдѣ осталась моя Лія и, подлетѣв к бѣлѣвшей лентѣ, повел машину параллельно шоссе, имѣя его с лѣваго борта.

— Спокойной ночи, моя родная, моя любимая Лія! Скоро вернусь к тебѣ и отправлю тебя к моим родителям. Милая, милая Лія!—

В эту ночь я вдвойнѣ витал в облаках — в буквальном и переносном смыслах: пакет я успѣю сдать во время, Лія — моя, бак полон, Марчет спокойно несся во тьмѣ и слѣва тянулась моя путеводная нить—шоссе.

Коротки іюльскія ночи. На полпути начало свѣтать, еле замѣтно. Предутренній вѣтерок слегка поколебал машину. Почувствовалась сырость и пятна и полосы на землѣ стали замѣтно очерченными, как-бы обведенными тушью. Непередаваемая словами картина.

Что там гоголевскій чудный Днѣпр при тихой погодѣ. Послѣ полета в предразсвѣтных сумерках —на чудный Днѣпр и посмотрѣть не захочешь! Так развѣ на пикник попьянствовать туда съѣздишь, А уж если говорить о пикниках, то не все-ли равно: на берегу-ли чуднаго Днѣпра при тихой погодѣ или в шторм в кустах за ангарами?

Восток начал блѣднѣть и окрашиваться. Земля, черная подо мною, темно-синяя по сторонам и лилово-фіолетовая по периферіи кое-гдѣ закурилась утренними туманами. С каждой минутой все красочнѣе, все ярче.

Шоссе сворачивало вправо, свернул вправо и я. И летѣл так, с восторгом и в восхищеніи разсматривая проплывающую подо мною живописную мѣстность.

Верстах в десяти впереди, перпендикулярно шоссе, показалось желѣзнодорожное полотно, водокачка и тысячи разноцвѣтных вагонов стоящих на временных, наскоро сдѣланных запасных путях.

За станціей поворот к сѣверо-западу и я буду в отрядѣ.

Показался аэродром. Стрѣлки хронометра показывали четыре минуты шестого.

Сѣл по прямой.

Разбудив командира, сжато передал ему о происшедшем. Он перебил меня:—Я раздѣт. Нѣт времени. Поѣзжайте сами!—

Ѣхать на мотоциклетѣ в полетной курткѣ было жарко, рѣшил переложить пакет в карман гимнастерки.

Торопливо отколол англійскую булавку, запустил руку в карман и—извлек оттуда — половину стараго номера Биржевых Вѣдомостей.

Это было для меня черезчур сильным ударом, черезчур большим потрясеніем. У меня подкосились ноги и я сѣл на землю.

Что в тот момент происходило со мною. Лихорадочныя, молніеносныя мысли роились в головѣ, одна безнадежнѣе, страшнѣе, ужаснѣе другой. Пропал я! опозорился! Летѣть немедленно обратно!

И опять заговорил во мнѣ голос: — Идіот! Кто-же будет ждать тебя? Лія—шпіон—а ты раскис, размяк при видѣ хорошенькой мордашки и — пропал. Стрѣляйся! Один выход!

Взгляд мой упал на Биржевыя Вѣдомости. Одна половина номера. Вторую половину с сам спрятал под постель Ліи. Вспомнил о ея двух письмах.

Прочесть сейчас-же!

Из наружнаго кармана, гдѣ лежали промасленные концы, тандер, ключ для магнето и разная дрянь, я вынул два конверта. Перевернул один из них и начал читать: — Его Высокопревосходительству...

Мой пакет!!!

Я не берусь описать мое состояніе, состояніе, конечно, близкое к умопомѣшательству. Я дико хохотал, плача в тоже время, стучал кулаками по землѣ, по своим колѣням...

Разбудил весь отряд.

Убѣдившись, что конверт не был вскрыт и что в нем находится письмо я вскочил на ноги, прыгнул в сѣдло мотоциклета и помчался в штаб командующаго арміей.

По тому, что в поѣздѣ, гдѣ помѣщался штаб, никто не спал и по напряженно-торжественным лицам офицеров, я догадался, что командованіе арміей к чему-то готовилось.

Пакет был вручен в шесть часов без семнадцати минут.

* * *

Вас, может быть, интересует содержаніе второго конверта?

В нем находилась длинная лента папиросной бумаги, на которой тонким, четким карандашем был мастерски выполнен подробнѣйшій план расположенія нашего корпуса.

Ліи мы не нашли.

Послѣ банкета.

В день св. Пророка Иліи, покровителя авіаціи, послѣ вечерних полетов, когда, по традиціи, на тихоходных и спокойных машинах поднимались в воздух всѣ желающіе полетать,—преимущественно, дамы,—мы, летчики, вмѣстѣ с гостями, были приглашены начальником гарнизона на банкет в офицерское собраніе. Послѣ обычных тостов и кругового ковша мы, в свою очередь, пригласили всѣх присутствующих в гарнизонное собраніе в надеждѣ, что офиціальный банкет, с теченіем времени, перейдет в авіаціонный «разворот».

И, дѣйствительно, часам к двѣнадцати ночи, в собраніи происходило столпотвореніе безусловно хуже вавилонскаго.

Моя очаровательная сосѣдка, видя мое боевое настроеніе, предложила чашку кофе, и мы вышли из зала и направились в зеленую гостиную, гдѣ был накрыт чайный стол.

В гостиной я увидѣл сидящих в удобных креслах троих своих пріятелей с дамами. Онѣ, каждая по своему, разсказывала о своих впечатлѣніях от полетов.

Когда мы подходили к столу, одна из них говорила:

— Полет я представляла чѣм-то иным, вродѣ сильной морской качки: — пріятное замираніе сердца... Но сейчас я знаю, что такое полет... Как жутко! Брр!.. чтобы я полетѣла еще раз?.. Боже сохрани! Я каждую секунду ожидала, что вот-вот

сейчас что-нибудь сломается, и мы повалимся вниз... А этот кошмарный момент выключенія мотора и посадка... Мы проваливаемся в бездну,— свист вѣтра, вой тросов, головокружительное перемѣщеніе земли и — никакой точки опоры... Только робкая надежда на то, что, может быть, мы, все-таки, как-нубудь сядем... Вы смѣетесь? А я не могу понять, как это можно привыкнуть к полетам? Не понимаю!.. Господа, вам, вѣроятно, приходилось испытывать ужасныя потрясенія? Если не вам, то вашим друзьям и знакомым летчикам. Пожалуйста, разскажите нам ваши ощущенія в критическія минуты, во время воздушных боев... Мнѣ так хочется послушать страшные разсказы!..

Всѣ дамы поддержали просьбу.

Мы запротестовали,—никому не хотѣлось портить настроеніе. Но что мы могли подѣлать, когда нас упрашивали четыре обаятельных нимфы?.. Вѣдь, старшему из нас было двадцать четыре года...

* * *

Полтора года тому назад, на аэродромѣ города Спасска, Приморской области, в одном из ангаров я нашел Фарман XXX. Система — давно вышедшая из моды, но, по отзывам, прекрасный планер. Рѣшил попробовать: как это на таких машинах летали мои предшественники?

На слѣдующій день, в три часа, аппарат уже дожидался меня, и «Сальмсон» глухо ворчал на малых оборотах.

Сдѣлав круг на высотѣ шестисот метров, я спустился на землю и, надѣв мѣховое бѣлье, собрался еще часа три полетать на больших высотах, чтобы познакомиться с окрестностями Спасска.

Во время пробы оборотов мотора ко мнѣ подбѣжал неизвѣстный армейскій офицер и о чем-то

заговорил со мной. Сбавив газ, я спросил, что ему угодно. Он пространно начал объяснять мнѣ, что его восьмилѣтняя служба в саперном батальонѣ тянется однообразно и монотонно, отправят-ли его на фронт — неизвѣстно, пьянство надоѣло... И хотѣлось-бы пережить острое ощущеніе полета, чтобы хотя немного встряхнуться. Ему прямо-таки неудобно, когда его, техническаго офицера, спрашивают: летал-ли он. Стыд, срам, позор.

Я отвѣтил, что прокатить его — вещь, весьма сложная: требуется медицинское свидѣтельство и разрѣшенія его и моего начальства.

Он возразил, что его начальство будет только благодарно за воздушное крещеніе своего офицера, а мое начальство — увы! — во Владивостокѣ, как сообщили ему в канцеляріи отряда, куда он заходил именно за разрѣшеніем. Что касается медицинскаго осмотра, то его не требуется, так как он здоров, как буйвол.

Я посмотрѣл, на него,—дѣйствительно, он напоминал буйвола, и, каюсь, легкомысленно согласился.

Он изумленно посмотрѣл на мѣховой костюм в серединѣ іюня, но, догадавшись, быстро надѣл его. Мотористы привязали его ремнями к сидѣнію. Я перевел сектор на полный газ и отдал ручку. «Тридцатка» побѣжала и незамѣтно отдѣлилась от земли.

Правильно-ли был отрегулирован аппарат, я не знал, но по альтиметру замѣтил, что набираю высоту с большой быстротой. Сдѣлав вираж над поселком, я снова очутился над аэродромом, уже на высотѣ 1500 метров. Под нами проплывал цементный завод, когда нас бросило в сторону и вниз: на такой высотѣ чувствовалось «рему», несмотря на то, что было четыре часа дня!

Аппарат подбалтывало. Я подумал, что во

время «рему» полет производит непріятное впечатлѣніе на начинающих летать или никогда не летавших.

Панорама была четкая и красивая: слѣва—горный хребет Кентей-Алина, а справа—огромное серебряное пятно,—озеро Ханка.

Я долго пробыл-бы в воздухѣ, но пожалѣл своего гостя и, полого развернувшись, с малым креном и углом, спиралью пошел на посадку. Описав большой круг, «тридцатка» остановилась у стартовой черты. Я был в восторгѣ от планера.

Но представьте мое изумленіе, когда, отстегнув пряжку ремней, я повернулся к заднему сидѣнію и... не нашел там пассажира!..

На одно мгновеніе у меня промелькнула мысль, что мой гость, может быть, забился в глубину кабины... Но, заглянув внутрь, я обнаружил, что, вмѣстѣ с пассажиром, исчезло и кресло, к которому он был привязан. Гдѣ-то, слѣдовательно, он выпал, вмѣстѣ с ремнями и креслом.

Подавленный происшедшим, я даже не обратил вниманія на поперечныя стойки: онѣ были выломаны.

Гдѣ-же я потерял его?..

Аппарат пролетѣл около ста двадцати верст, и найти тѣло среди тайги, между сопками, являлось сложной задачей.

Слух о несчастном случаѣ с аэродрома быстро распространился по городу и поселку.

Часов около шести вечера к нам в канцелярію пришел один лохматый мужичек и сообщил, что он, кажется, замѣтил, как, над цементным заводом, что то выпало из аэроплана.

Начальник гарнизона, поставленный мною в извѣстность, немедленно отдал распоряженіе двинуть цѣпь пѣхоты в направленіи на цементный завод.

К закату солнца баталіон вернулся обратно. Двое солдат принесли в шинели что-то кошмарное —какой-то безформенный липкій комок, с приставшими к нему землей и вѣтками поломаннаго кустарника.

* * *

Спеціальная комиссія нашла, что орѣховые брусья, к которым крѣпилось кресло, не фабричнаго производства и, по расчету, тонки. Вѣроятно, тридцатка раньше, во Франціи, билась и, послѣ катастрофы, подчиненная домашними средствами, была отправлена в Россію.

А ваш покорный слуга был разжалован в рядовые и только послѣ полутора лѣт безпрерывной и безсмѣнной работы на фронтѣ вновь надѣл погоны прапорщика.

* * *

Этот трагическій случай произошел с вольноопредѣляющимся Пересвѣт-Солтановым на аэродромѣ Курганской школы, в августѣ 1919 года.

Прежде всего, я хочу обратить ваше вниманіе на то, какую большую роль в нашей жизни играет случай. Может быть, не случай, а судьба там, или Рок... По-поему, это одно и то-же.

Я почти не знал Пересвѣт-Солтанова. Встрѣчался изрѣдка на аэродромѣ. Из общей среды он ничѣм не выдѣлялся. Запомнились мнѣ только его свѣтлые и добрые глаза. При первом взглядѣ на него я подумал, что ему не мѣсто в авіаціи: наш брат должен быть суровым и жестоким... Спеціально обучены на страх врагам и на погибель... У него же—бездонные, лучистые глаза, — глаза святителя. Что-то шевельнулось в моем сердцѣ неопредѣленное, безсознательное,—не то сожалѣніе, не то состраданіе...

В тот злопамятный день я пришел на аэродром безо всякой причины. Как всегда, гудѣли моторы. Со старта одна за другою срывались машины; тут же, рядом, садились. Дежурный по аэродрому, вытирая пот, еле успѣвал флажками отдавать распоряженія.

Среди невообразимаго рева, грохота и сутолоки на аэродромѣ вдруг все остановилось без приказанія... Подобная внезапная остановка являлась несомнѣнным признаком серьезной и неминуемой катастрофы.

Инстинктивно всѣ взглянули вверх, и привычные глаза отыскали причину тревоги: в сторонѣ от аэродрома, в профиль к нам, с высоты семисот метров, с отрицательным углом падал аппарат. Было видно, как маленькая издали фигура пыталась управлять ручкой и педалями, но безрезультатно, и биплан начал медленно разворачиваться вокруг вертикальной оси, переходя в штопор, из котораго выхода не было, — таковы были недостатки боевых машин того времени.

Летчик кричал нам, но за дальним разстояніем ничего нельзя было разобрать.

Все это происходило с молніеносной быстротой.

Аппарат был в ста метрах от земли и падал прямо на стоявшіе на лугу стога сѣна...

В наши души заползла смутная надежда: авось, вмажет в стога и отдѣлается ушибами. Но, ко всеобщему изумленію, летчик отстегнул ремни, шагнул на козырек и выпрыгнул из гондолы, отдѣлился и отстал от аппарата, который, благодаря тяжести, инерціи и обтекаемости падал с большею скоростью...

Через секунду биплан срѣзал своими шасси треть перваго стога, мягко ударился о второй, встал

«на попа» и плавно опустился на хвостовую ферму.

Летчик отдѣльно упал в этом же, как нам показалось, мѣстѣ.

Старшій инструктор рѣзким голосом нарушил мертвую тишину аэродрома:

— Доктор... санитарный автомобиль... Вперед!

Автомобиль рывком сорвался с мѣста и полетѣл по кочкам.

— Вашей группы? — спросил завѣдывающій полетной частью инструктора боевой группы.

— Моей, господин капитан.

— Тренировочный?

— Так точно.

— Машина — боевой, шестнадцатый?

— Так точно.

— Кто летѣл?

— Вольноопредѣляющійся Пересвѣт - Солтанов.

* * *

Ну, скажите, пожалуйста: развѣ это не судьба?.. Чего еще нужно было? У машины даже арборитовая гондола не поломалась. Прекрасно сѣл-бы!..

А Пересвѣт-Солтанов хотѣл перехитрить судьбу. Возможно, он не разсчитал линіи паденія аппарата или вѣрнѣе, ему некогда было думать, но он выпрыгнул с расчетом упасть на копну сѣна и — промахнулся. Сѣл на землю в аршинѣ от стога...

Удар был настолько силен, что он поломал позвонки, ребра не выдержали, грудная клѣтка раздалась, и голова вдавилась в туловище.

Смерть, слава Богу, была мгновенная.

* * *

Вы, милыя дамы, поставили меня в трудное положеніе... О чем-же вам разсказать? Да я, собственно, не знаю, с чего и начать... Да и вообще, мнѣ говорить нечего, — ничего, кажется, со мною не было особеннаго: падал, как и каждый из нас, бился тоже, как и всѣ... Нѣт, увольте! Лучше еще по рюмочкѣ сдѣлать. А? Как вы находите? Во-первых, это болѣе интересно и, к тому-же, не во вред. А?.. Ей-ей, не помню! Ну, падал... Что-же тут особеннаго? Другой так падает, что не встает больше, а я, хотя-бы, когда в третій раз свалился... Выбил девять зубов и вставил каучуковую челюсть. Вот и все...

Как падал? Господи! Как-же можно падать? Ну, бац, трах и — готово! Второй раз то же: бац, трах и опять готово! То-есть, значит, машина — в дым и я почти тоже! Жив оставался потому, что весь в своего родителя. Я из духовнаго званія, — сын священника. Покойный, царство ему небесное, желѣзный был человѣк! Любил он вечерами на колокольнѣ посиживать, на Волгу да на просторы волжскіе посматривать. И вот, однажды, возвращаясь домой, как-то споткнулся на первой ступенькѣ и покатился вниз винтовой лѣстницы. Всѣ перила пообломал и послѣднія ступени, вмѣстѣ с дверью высадил. А на другое утро совершал раннюю обѣдню, как ни в чем не бывало.

Вот и я такой же...

Например, в тот раз, когда я сломал ногу... Одна нога у меня на два сантиметра короче другой... И ничего, — как вешній снѣг. Разсказывать сначала?

Ну, ладно, начнем танцевать от печки...

Учился я в духовной семинаріи, оттуда перешел в университет, гдѣ и забрили меня, «Сильву плэ, — говорят, — в Казанское военное училище». Послѣ производства — без пересадки, на фронт, в пулеметную роту. Там мнѣ и посчастливилось.

Глаз у меня вѣрный, — еще мальчишкой стрѣлял без промаха. Сразу выдвинулся, как лучшій стрѣлок. А тут вдруг требованіе из штаба корпуса:

дать в двадцать четыре часа лучшаго пулеметнаго стрѣлка из офицеров. Я, конечно, тут как тут. Что, как, зачѣм?.. Оказывается,—в авіаціонный отряд, в качествѣ наблюдателя.

За два мѣсяца я имѣл сто полетных часов. Без малѣйшей надежды я подал рапорт, желая попасть кандидатом в авіаціонную школу. Слѣпое счастье помогло мнѣ: через мѣсяц я был уже на медицинском осмотрѣ, а еще через нѣсколько недѣль умѣл вести машину по горизонтали.

Фронтовые часы не пропали даром, и я вскорѣ вылетѣл на «четверкѣ». Оттуда—на «семерку» и на XX «Боевой», В боевой группѣ со мною и стряслось первое несчастіе...

Лечу это я на высотѣ 450 метров; дѣлаю два круга и иду на посадку. Вдруг, опредѣленно, нечистая сила толкает мой аппарат... Я — один, без инструктора... Машина проваливается. И—не в пикэ, а немного на скольженіе...

Обалдѣл-ли я или наличіе нечистой силы, только вижу—гробом пахнет... Рванул на себя ручку и... вырвал ее, вмѣстѣ с подставкой и тросами!

Ну, конечно,—тах-та-ра-рах и вдребезги!

Сижу на землѣ и выбираюсь из-под обломков. Вытаскиваю придавленную ногу, —цѣла. Поднимаю глаза,—передо мною стоит дама.

— А гдѣ... труп?—спрашивает.

— Кой черт, труп!.. — говорю. — Вот я— собственной персоной.

— Да нѣт, — говорит она мнѣ. — Вы еще живой.

— А что вы думаете,—взорвало меня,—я уже разлагаться должен для вас? Ишь, труп нужен!..

Меня окружили мотористы, доктор, инструктор, механики и повезли в госпиталь. Но оттуда на слѣдующій день я вышел и снова отправился на аэродром.

Вот вам и разсказ о первом паденіи. А от

слѣдующих, пожалуйста, увольте—времени не хватит. Как ногу сломал, как заснул в полетѣ, лежал в гипсѣ, как вырвал челюсть и зубы, как нѣмец прострѣлил мою ключицу, как горѣл и т. п.,—на это и недѣли не хватит.

А шустовскій с тремя звѣздочками, увѣряю, па-а-лезный нектар! За ваше здоровье! Заноси!

* * *

В серединѣ августа 1916 года наш авіаціонный отряд праваго участка Сѣвернаго фронта существовал только на бумагѣ: люди и аппараты были перебиты, и весь отряд состоял из смертельно раненаго командира и двух летчиков: меня, с раздробленной в двух мѣстах рукой, и вольноопредѣляющагося Глѣбова. Из машин остался один истребитель, — одномѣстный «Сопвич», на котором мы и летали по-очереди.

К концу августа командир умер от внутренняго кровоизлиянія, а мнѣ предложили отнять руку. Отказавшись от ампутаціи, я подал рапорт, прося о пополненіи отряда людьми и машинами или, в крайнем случаѣ, о причисленіи нас к другому, рядом стоявшему, авіаціонному отряду, гдѣ, по наслышкѣ, тоже не хватало ни людей, ни аппаратов.

В унылом состояніи ждали мы отвѣта из штаба. Приказ пришел быстро: встрѣтить идущій на замѣну японскій истребительскій отряд, познакомить его состав с расположеніем своих и непріятельских частей, а затѣм выѣхать в Кіев на формированіе отряда.

Приказ был получен в три часа ночи, а в началѣ седьмого на наш «носовой платок» (так шутя летчики называют маленькіе аэродромы), описывая крутыя спирали, опускались семь японских истребителей.

Пять машин коснулись земли благополучно, а двѣ вмазали в деревья и поломали крылья.

Дурное предзнаменованіе!

Командир сѣл послѣдним. Выпрыгнув на землю, он мельком взглянул на поврежденные аппараты и с протянутой рукой пошел к нам навстрѣчу.

Небольшого роста, но прекрасно развитый физически, он отчетливо выдѣлялся из ряда других летчиков особым выраженіем своих глаз. Повидимому, самурай по духу,—властный, рѣшительный, мужественный. Металлическій блеск глаз свидѣтельствовал о наличіи жестокости и силы воли.

Мы поздоровались.

Всѣ семеро японцев окончили ліонскую школу высшаго пилотажа, и всѣ они хорошо говорили по русски, подчеркивая окончанія глаголов и имен прилагательных.

— Командир отряда, капитан Сакамото. Я очень счастлив пожать руки своим друзьям, русским летчикам, доблестно защищающим интересы своей великой націи...

— Я назвал себя и отрекомендовал Глѣбова.

— Вы тяжело ранены?

— Пустяки!

— И продолжаете летать?

— Два дня не могу.

Он посмотрѣл на Глѣбова и спросил:

—Два человѣка в отрядѣ. Остальные погибли?..

— Да.

Сакамото взглянул на могильный холм с крестом из двух пропеллеров, сдѣлал пол-оборота и взял под козырек. Всѣ вытянулись.

— Ваш командир похоронен? — спросил он, обращаясь ко мнѣ.

— Да.

— Умер от ран, я слышал?

— Да, пуля задѣла легкое.

— Почему похоронен здѣсь?

— Он—одинокій.

— Гдѣ и как произошел бой?

— Над взморьем под Ригой... Небо было сплошь обложено тучами. Командир не замѣтил, как сзади на него спикировал «Этрик» и одною короткою очередью прострѣлил и командира, и мотор. Как быстро появился, так быстро и исчез в облаках. Боя не было.

— Это нечестно! О нѣмцах я был другого мнѣнія до войны... Простите за маленькую справку: можно мнѣ починить здѣсь крылья или замѣнить их новыми? Двое моих друзей ошиблись в расчетѣ при посадкѣ и помяли крылья, — добавил он, улыбаясь одним ртом.

— Починить можно, отправив крылья в мастерскія базы, можно и замѣнить их новыми, но... придется ждать очень долго.

— Очень, очень жаль!

— Командир что-то крикнул по-японски, и двое летчиков, тѣ самые, которые поломали машины, забрались в кабинки. Им запустили винты. Два аппарата поднялись на воздух, сдѣлали нѣсколько кругов и снова сѣли, — на этот раз без поврежденій.

Я пригласил их в палатки и угостил кофе. От коньяку командир от имени всѣх отказался. Послѣ кофе я объяснил им картину, сдѣлал соотвѣтствующія помѣтки, и Глѣбов полетѣл с отрядом разсмотрѣть наш участок фронта.

Двое японских летчиков, с мраморными лицами, остались со мною.

К десяти часам отряд вернулся в отличном настроеніи. Когда японцы сѣли и вылѣзли из кабин, на посадку пошел «Сопвич».

На высотѣ 75 метров Глѣбов сдѣлал мертвую петлю и, выйдя из нея на один аршин от земли, выдержал прямую и сѣл у ангара.

Сакамото блеском глаз одобрил посадку, и моментально измѣнившись в лицѣ, безпокойно посмотрѣл на своих летчиков.

Один из оставшихся со мною японцев бѣгом бросился к машинѣ, поднялся на 70 метров и, сдѣлав без сниженія десять петель подряд, повторил глѣбовскую посадку.

Глѣбов не выдержал. На высотѣ шестидесяти метров он продѣлал тридцать петель и сѣл.

Японцы вошли в азарт и группой сорвались с мѣста, когда командир молча указал пальцем на одного из них. Это был второй из неудачно сѣвших...

Аппарат взмыл, набрал 60 метров высоты, сдѣлал сорок петель и сѣл рядом с нами.

По лицу Глѣбова я догадался, что он ни за что не спасует перед летчиками других національностей, но знал, в то-же время, что состязанія эти добром не кончатся.

Глѣбов был если и не лучшим фигуристом на земном шарѣ, то, во всяком случаѣ, одним из немногих. Я знал, что он — сумасшедшій летчик, но трюк, который он выкинул при японцах, на всю жизнь останется у меня в памяти. Сверхсумашедшій трюк!..

Глѣбов сѣл в машину, поднялся на высоту в 40 метров, отошел к противоположному концу аэродрома и начал дѣлать петли. Нѣсколько раз, выходя из пикэ в новую петлю, он задѣвал колесами и костылем деревья. Опрокинувшись в послѣдней, сороковой петлѣ, «Сопвич» с полным мотором спикировал... Выйти из отрицательнаго угла он никак не мог: деревья стояли в десяти саженях от него и аппарат был на уровнѣ деревьев... Я подумал, что Глѣбова, благодаря головокруженію, отнесло в сторону, и он, потеряв оріентировку, сейчас выйдет из петли и разобьется о сосны. Спасенія никакого нѣт!

Глѣбов падал...

Перед самой землей «Сопвич» с молніеносной быстротой дѣлает «полу-тонно», задѣвает крылом за траву и плюхается колесами на землю.

У меня остановилось сердце, потом мурашки пробѣжали по тѣлу, но я не показал вида, что трюк Глѣбова—чудо. Сомнѣвался я и в том, что ему удастся выйти из такого положенія еще раз. Я сдѣлал вид, что эта посадка—пустяк, обычное явленіе.

Немного блѣдный, Глѣбов спрыгнул с подножки фюзеляжа и спокойно снимал подшлемник и рукавицы.

Я взглянул на капитана Сакамото. Его глаза один миг с восторгом разсматривали Глѣбова, через секунду они потухли и снова зажглись огнем больно задѣтаго самолюбія, почти оскорбленія. Сейчас уже не Сакамото претендовал на первенство в авіаціи, а сама Японія состязалась с Россіей...

Он опять улыбнулся ртом, и летчик, стоявшій рядом с ним, подошел к своему аппарату. Не вывѣрив мотора, он дал полный газ и горкой поднялся над лѣсом. На сорока метрах он подошел с подвѣтренной стороны аэродрома, сдѣлал положенныя сорок петель и—ринулся вниз...

Крылья начали поворачиваться в профиль к нам, но высота уже была израсходована, и машина с треском врылась в землю...

Сакамото с безстрашным, каменным лицом жестом остановил нашего доктора и сказал:

— Послѣ таких паденій помощь доктора не требуется. Пожалуйста обождите минуту...

Он добавил что-то по-японски, ни к кому не обращаясь, и слѣдующій летчик побѣжал к аппарату.

Снова до подробностей повторилась тяжелая, кошмарная сцена, и второй летчик разбился и загорѣлся. Пламя со второй машины перешло на пер-

вую, и на аэродромѣ ярко пылали два высоких костра.

Подбѣжал третій летчик.

Сакамото остановил его, сам надѣл подшлемник и пошел к своему аппарату...

Я хотѣл остановить его, но посмотрѣл в его глаза и понял, что они или повторят глѣбовскій трюк, или перебьются всѣ.

Выдержка капитана Сакамото сказалась и в его обращеніи с мотором: он плавно перевел газовый сектор, разбѣжался, сдѣлал вертикальный взлет около горящих самолетов и над ними начал описывать петлю за петлей.

Я опредѣленно нервничал. Нервничали и японцы. Мнѣ было жаль потерять не посторонняго человѣка, который сегодня утром прилетѣл откуда-то, но было жаль храбреца, прекрасно понимавшаго, что на счастливый конец у него мало шансов.

А Сакамото петлил над кострами и, взметнувшись в сороковой петлѣ, с мотором полетѣл вниз.

Секунда... двѣ...

15 метров...

Аппарат дѣлает дьявольскій полувиток и— черпает крылом землю...

Не люблю я смотрѣть на «гробы» и поэтому отвернулся.

Звѣриный, торжествующій рев!.. Я открываю глаза. Машина самурая стоит колесами на землѣ, и от нея намѣренно спокойными и ровными шагами, с лицом землистаго оттѣнка, к нам подходит капитан Сакамото.

Дикій Барин.

Офицерское собраніе помѣщалось в бывшем домѣ священника, окруженном тѣнистым и старательно-воздѣланным садом.

Пробитая снарядом крыша была заштопана, залатана и изнутри выбѣлена.

Из нѣскольких разрозненных шахматных партій были подобраны двѣ, сдѣланныя из арборита поля прибиты к столикам и, несмотря на разношерстность фигур, из которых кони были без голов, короли без вѣнцов, ничто не мѣшало желающим азартно рѣзаться ночи напролет.

Была гитара с тремя струнами и піанино, настолько разстроенное, что при тонкости слуха нельзя было отличить фа діэз от чистаго соль.

На эти пустяки никто не обращал вниманія и когда пѣвали бывало хором гусарскую пѣсню, то в патетических мѣстах припѣва:—Налива-а-ай-те ча-ары,—аккомпанирующій нам на піанино брал лѣвой рукой не октавой и не пальцами, а просто бил по басам кулаком, чтобы громче гремѣло. Все равно не разберешь—что за нота, зато звѣрски гудит!

Помимо клуба в саду был устроен тир для стрѣльбы из револьверов. Мишенями служили пивныя бутылки и из-под вин, которыя горами выбрасывались каждое утро из клуба и подбирались моим денщиком спеціально для тира. Хотя для этой цѣли и употреблялись пустыя бутылки, но подлец денщик вѣчно был мертвецки пьян и часто риско-

вал жизнью, не во время вылѣзая из за прикрытія для смѣны мишеней.

Гвоздем наших развлеченій был буфет грузина Дугашвилли. Толстый, как бочка, с носом, как будто нарочно вымазанным фуксином, с тараканьими усищами, весельчак, остряк и циник, он поражал нас обиліем закусок и разнообразіем блюд. Откуда он выкапывал в мертвой прифронтовой полосѣ?

Запас его был неисчерпаем: раки, устрицы, дичь, стерляди, сыры, икра всѣх сортов, сардины, кильки, шпроты. Вина всѣх марок.

Вторым гвоздем была русская баня. С тазами, шайками, щелоком и вѣниками, гдѣ мы парились до одуренія, до изнеможенія, до потери сил.

Нас было семь летчиков: один москвич, командир—туляк, я—астраханец, прапорщик Остапенко—хохол, уфимец Курбан-Галлей--Сагибатуллин, чеченскій князь Бакал и французскій летчик Руаль Шапон.

Нѣкоторые из дѣйствующих лиц имѣли прочныя клички: француза величали маркизой, подпоручика Сагибатуллина звали Мамаем, князя Бакала заглазно называли Диким Барином, а буфетчика Дугашвили—Дюша Лубезный.

С этим всѣ свыклись и никто не обижался.

В этой незаурядной обстановкѣ, в тридцати верстах от фронта и произошла трагедія.

* * *

Диким Барином князь Бакал был прозван за нелюдимость.

Он всегда держался особняком, ни с кѣм не дружил, ночами бродил по окружающим нас лугам и лѣсам и страстно любил рыбную ловлю, гдѣ пропадал в свободное от полетов время.

С орлиным профилем и орлиными глазами, стройный, выше средняго роста, он был-бы очень красив, если-бы его мужественная красота не имѣла мрачнаго оттѣнка.

Среди нас были охотники от скуки строитъ предположенія; всѣ догадки сводились к тому, что князь Бакал пережил драму и дал обѣт молчанія.

Он никогда не разговаривал, не спорил, отвѣчал на вопросы коротко и точно. Странность его не мѣшала нам относиться к нему очень хорошо, т. к. Бакал храбро дрался с нѣмцами и хорошо бомбил.

Во время традиціонных праздников или банкетов, вечеров или балов, гдѣ ему необходимо было присутствовать, он был центром вниманія дам, но, повидимому, тяготился этим и тосковал.

Однако, отшельническій образ жизни не мѣшал ему приходить к нам в собраніе, занимать отдѣльный столик и много пить.

Офиціантам на чай он раздавал по пятьдесят по сто рублей.

А начальство считало его одним из лучших, дисциплинированных офицеров.

* * *

Вечером памятнаго дня я рано вернулся с развѣдки и не раздѣваясь, послѣ доклада командиру, пошел в клуб: согрѣться и закусить.

Дюша встрѣтил меня, как родного послѣ 75 лѣтняго отсутствія. Он помог мнѣ раздѣться, снять полетное платье и, подавая меню, указал на сегодняшніе шедевры его кухни.

Во время выбора закусок вошел подпоручик Сагибатуллин.

Я предложил ему:--Эй, Мамай, опрокинем по чарочкѣ?—

— Уговорил! Подо что?—

— А Дюшѣ-Карапету лучше знать.—

Буфетчик художественно украсил наш стол десятками розеток с острыми закусками и мы принялись за отпотѣвшій графин.

К девяти вечера в клубѣ собрались офицеры штаба корпуса и весь наш отряд в полном составѣ. Пришел и Дикій Барин. Он потребовал себѣ бѣлое вино и фрукты.

Послѣ сытнаго и обильнаго обѣда Дюша-Дугашвилли сообщил экстраординарную новость: он только что получил хорошія сигары, но, к сожалѣнію, всего четыре коробки и поэтому, чтобы никого не обидѣть, он открывает двѣ коробки для авіаціоннаго отряда и двѣ—для офицеров штаба.

Немедленно появилось темное, бархатное калинкинское пиво и мы сѣли за общій стол. К нам присоединился и князь Бакал.

В нашей средѣ говорили о тактикѣ группового воздушнаго боя с переносом огня всего отряда последовательно с одного непріятельскаго аппарата на второй, третій и т. д. по указанію командира. Приводились примѣры о сложности маневрированія всѣм отрядом, об открытых флангах, о качествах и достоинствах одиночнаго боя и перешли к досадному случаю с прапорщиком Сабельниковым.

Он был прекрасный летчик, хорошо дрался и пошел в гору, но десять дней тому назад полетѣл на бомбардировку и из-за остановки мотора сѣл с бомбами в расположеніе нѣмцев. Хотѣли перехватить его на другой аппарат, но проходящая вблизи пѣхотная часть, открыв огонь из винтовок и пулеметов, не позволила снизиться и прапорщик Сабельников на глазах отряда был схвачен нѣмцами.

Разговор стал общим.

Остапенко резюмировал: — Я представляю возмущеніе и негодованіе прапорщика Сабельникова, когда у него остановился мотор. Он до того был подавлен, что сдѣлал посадку, имѣя под

крыльями бомбы без предохранителей. Случайно ни одна не взорвалась.—

Мы были удивлены, когда заговорил князь Бакал, Заговорил с болью, с горечью, с сарказмом:—Прапорщик Сабельников—не волевой человѣк. Он растерялся и позабыл о бомбах. Мало выдержки, воспитанія и дисциплины. Чувство самосохраненія инстинктивно заставило его в первую очередь найти площадку для посадки. Планируя с 2500 метров над проходящим противником он позабыл о долгѣ русскаго офицера и поступил, как предатель!—

— Я с вами не согласен--сказал Рауль Шапон, закуривая новую сигару.

— Сбросив для безопасности бомбы вблизи противника, он этим самым подвергал себя немедленному разстрѣлу. Попасть в плѣн — это еще не значит, что оттуда нельзя сбѣжать. Сабельников—храбрый, рѣшительный человѣк и я увѣрен, что он вернется, чтобы снова драться в наших рядах.—

— Не о том, не о том я говорю — взволнованно возразил князь.—Я говорю о долгѣ русскаго офицера, погоны котораго я имѣю честь носить. С 2500 метров он должен был сбросить бомбы и очень удачно не ради безопасности в сторону, а прямо в противника, обстрѣлять его из пулемета, а затѣм поджечь машину и застрѣлиться!—

Всѣ поддержали Бакала.

— Я увѣрен, живым вы в плѣн не сдадитесь. —улыбнулся Шапон.

— Никогда!—гордо воскликнул князь и этим подписал свой смертный приговор.

* * *

Не встрѣчали-ли вы людей, на лицах которых, не вчера, не раньше, а вот сегодня мы замѣ-

тили печать неумолимаго, неизбѣжнаго и рокового конца?

Кажется и молод человѣк и здоров и полон сил, а вот на лицѣ есть что-то такое неуловимое, неосязаемое и вы знаете, что человѣк этот обречен.

Эту проклятую печать я прочел на лицѣ Бакала, когда мы укладывались спать. Он тоже был не в себѣ: вѣроятно предчувствовал.

И видѣл я раздвоеннаго Бакала: одного—холоднаго, гордаго и другого — вызывающаго состраданіе.

Лампа была давно потушена, но мнѣ не спалось. Я слышал как и сосѣд мой метался в постели и не удивился, как в клубѣ, когда Бакал безо всякаго повода с моей стороны спросил меня. — Вам не спится?

— Никак не могу,—

— Я вас не обезпокою? Я хотѣл-бы вам немного разсказать о себѣ, чтобы вы перемѣнили обо мнѣ мнѣніе. Я совсѣм не—Дикій Барин, как окрестили меня в клубѣ.

Был два года тому назад веселым повѣсой, любил компанію, маскарады, балы, кутежи, пикники, танцы, мимолетныя увлеченія.

Женщины избаловали меня и дали повод быть самонадѣянным и самодовольным. Родители души во мнѣ не чаяли и если бы мнѣ захотѣлось птичьяго молока—они и перед этим не останавливались-бы. Богатый, как Крез, я считал себя всемогущим.

Мнѣ нравились сотни женщин, но ни одна не вызвала моего отвѣтнаго чувства и ни одной я не мог отдать предпочтеніе.

Два года тому назад я ѣхал в отпуск домой из Галиціи.

На маленькой станціи под Ростовом на Дону наш почтово-пассажирскій поѣзд был задержан из-за внѣочередного пропуска вперед трех эшалонов с ранеными с кавказскаго фронта. Подошел первый санитарный поѣзд, постоял пять минут и отправился дальше.

Минут через десять к перрону подошел второй эшелон.

Товарные вагоны, передѣланные под санитарные, в серединѣ состава—вагон третьяго класса.

Позевывая, я от нечего дѣлать, подошел к нему.

У одного окна я замѣтил бѣлую косынку с красным крестиком. Сестра возилась с медикаментами, потом отошла от окна и я увидѣл ея фигурку с крохотными лилипутиками на ножках, бѣгущую на станцію с чайником.

Когда она вернулась в вагон я не обратил вниманія, но в окнѣ снова появилась ея головка в косынкѣ с красным крестом. Во время работы ея разсѣянный взгляд на секунду скользнул по мнѣ и я увидѣл ея сѣро-голубые глаза.

Через минуту санитарныя теплушки тронулись и эшелон вошел в выемку. Я наблюдал за ним до послѣдняго момента, когда он скрылся за поворотом.

Вы были на Кавказѣ? Утром в горах вы смотрите на величественно-дикій пейзаж: скалы поднимаются в небо и рядом—темные провалы бездонных ущелій. Воздух идеально чист и прозрачен. И вот—на ваших глазах из ничего начинает формироваться туманное пятно, растет, увеличивается, превращается в облако, затемняет солнечный свѣт и вам становится холодно и сыро. Наблюдали?

Вот у меня в душѣ из ничего выросло такое облако, когда ушел санитарный поѣзд.

Стало как-то удивительно пусто, тоскливо и холодно. Я точно потерял что то страшно дорогое для меня. Такой тяжести, такого гнета мнѣ никогда не приходилось испытывать... мнѣ хотѣлось бѣжать за поѣздом...

Там-же на перронѣ я, двадцатилѣтній кутила

и повѣса, далекій от мистицизма, понял, осознал сердцем и разсудком, что в санитарном вагонѣ третьяго класса я упустил свое счастье. Конечно эта маленькая сестра с удивленным и напуганным взглядом, олицетрореніе робости и безпомощности, и есть мой иееал. Это ея хорошенькая головка с большими глазами наказаннаго ребенка грезилась мнѣ и рисовалась в моем воображеніи. Она не раз снилась мнѣ, как моя невѣста, как жена.

Я всѣм существом глубоко увѣровал в это предначертаніе.

И я так, непростительно-безразсудно потерял ее, так быстро.

Ощущеніе адской, абсолютной пустоты меня угнетало: стараясь ухватиться за первую попавшуюся цѣль, я отыскивал причины, побудившія меня так искренно радоваться отпуску с фронта; я-же чувствовал себя вчера веселым ребенком, представляя встрѣчу и фантазируя о цѣлом рядѣ удовольствій. Почему-же сегодня у меня — щемящая тоска и растет, давит меня чувство безпричинной тревоги.

Что—это: сплин, хандра, неврастенія, психоз?

Я радовался встрѣчѣ с родителями. Но радовался не так, как сейчас. Балы? Танцы? Флирт?

Какое безобразное слово—флирт. Я никого не хочу видѣть, слышать, говорить.

Я ничего не хочу!

Но я был неискренен: разсуждая сам с собою о полной апатіи и безразличіи ко всему, я в то-же время зашагал к подъѣхавшему третьему эшелону и разспрашивал о служебном персоналѣ второго состава, о его назначеніи и мѣстѣ слѣдованія.

Отвѣт получил короткій: ни доктор, ни комендант никакого отношенія не имѣли ко второму санитарному поѣзду. Начальник станціи заявил, что военные и санитарные поѣзда не подлежат ни расписанію, ни учету.

От станціи до станціи справлялся по фоно-

пору и получал неизмѣнный отвѣт—прослѣдовали дальше.

Я выходил на каждой станціи, разсматривал на путях составы, опрашивал, телеграфировал, телефонировал—никакого результата. Второй эшелон продвигается гдѣ-то впереди нас.

Двухмѣсячный отпуск я использовал на розыски. Исколесил весь Кавказ, был в Эрзерумѣ, в Карсѣ, заглядывал в каждый госпиталь, в каждый лазерт и летучку—нѣт сѣро-голубоглазой сестры.

За два дня до отъѣзда на фронт мои родители устроили прощальный бал. Среди приглашенных были красавицы, которыми я увлекался когда-то, но онѣ как-то потускнѣли, выцвѣли, обезцвѣтились. Были красивѣе моей незнакомки, были интереснѣе и я пытался было увлечься, налегая на вина, но кончилось тѣм, что не мог вынести убійственно-гнетущей тоски и, приказав осѣдлать своего карабаха, я ускакал в горы, гдѣ провел всю ночь.

Ни я ни мои родители так и не нашли ее.

Я думал забыться в авіаціи. Здоровье дало мнѣ возможность одѣть на погоны черные орлы, но и воздушныя схватки не могли излечить меня и я превратился в... как там по вашему... в Дикаго Барина.

С тѣх пор я не нахожу себѣ покоя.

Как вы думаете: это — предопредѣленіе или каприз избалованнаго человѣка, который никогда не считался с препятствіями? И может-ли существовать такой каприз, который продолжался два года и совершенно переродил и перевоспитал человѣка?

Бакал замолчал и, отыскав в темнотѣ портсигар, закурил.

— Надо подумать—отвѣтил я ему—такіе вопросы быстро не разрѣшаются, но в вашей исторіи играет главную роль конечно не каприз.

Разговор был прерван. Наружная дверь осто-

рожно отворилась, кто-то безшумно подошел к нам и я услышал голос своего деньщика:—Ваше Благородіе.

— В чем дѣло?

— Командир требует!

Пока деньщик зажигал лампу, я уже одѣлся и когда комната освѣтилась, увидѣл тоже одѣтаго Бакала.

— А вы куда?

— Я думаю—командир и меня вызывает? — спросил он, взглянув на деньщика.

— Так точно: командир требует и вас, Ваше Сіятельство!

Я посмотрѣл на Бакала и понял, что ему пришел конец. Понял и Бакал и улыбнулся растерянно, жалко, покорно.

Передав мнѣ ключ, он сказал:—Если что нибудь, то... вот ключ. Чемодан отправьте родителям.

* * *

Маршрут был несложный: с разсвѣтом разыскать в «нежелательной близости» от позицій сосредоточіе переброшенной за ночь германской артиллеріи, сбросить бомбы и вернуться обратно. Район, указан приблизительно.

Забрезжил разсвѣт.

От командира мы пришли на аэродром и вылетѣли.

Подлетая к нашим передовым расположеніям,Бакал условным жестом попросил меня осмотрѣть его четыре бомбы в хомутиках под крыльями: отлетѣли-ли вертячки предохранителей. Он поставил Ньюпор на крыло и показал мнѣ нижнія поверхности. Предохранителей уже не было ни на его, ни на моих бомбах: они вывинтились в пути. Мы шли рядом крыло к крылу, газом регулируя равненіе.

Обстрѣлянные на 2000 метров, мы, подходя к

цѣли, снизились до 1000, чтобы лучше разсмотрѣть и на девятистах оборотов винта, с приподнятым хвостом снижались еще.

В ближайшем нѣмецком тылу, верстах в пяти от окопов мы набрели на характерные признаки замаскированных батарей и помѣтили на картах.

Разсчитав продольное разстояніе, высоту, скорость моей машины и отклоненіе благодаря сильному боковому вѣтру, я сбросил двѣ бомбы в одну батарею и оставшіяся двѣ в слѣдующую.

В приподнятом настроеніи звѣря, ожидающаго скорую добычу, весь напряженный, я ждал результатов своего бомбометанія,

Показался первый дымок и мое вниманіе было отвлечено появившимися на землѣ огоньками: нѣмецкія батареи отвѣтили на мое привѣтствіе.

Я имѣл опыт опредѣлять по огню количество орудій, но в данном случаѣ вспышки зарябили в глазах, замелькали частым дождем в видѣ недружнаго залпа.

Трудно сказать сколько было батарей.

Снаряды, приближались к нам, запѣли, завыли как сирены, повышая тон и стали рваться...

Началось чорт знает что такое: ад, содом, треск, грохот, гром и молніи...

Шрапнель рвалась на различных высотах и на различных дистанціях.

Перед Ньюпором Бакала сверкнул ослѣпительный, ѣдкій огонь и в то же мгновеніе его аппарат вошел в облачко разрыва. Еще через мгновеніе Ньюпор вышел из дыма без лопастей: на носкѣ мотора вертѣлся обломок втулки винта.

Бакал начал планировать по прямой и вел машину в одном положеніи, не увеличивая и не выбирая угол.

Проведя координат прямолинейнаго полета его машины до точки соприкосновенія с поверхностью земли, я увидѣл очень удобную для посад-

ки площадку и—рядом—четыре брезентовых ангара, из которых два были громаднѣйших размѣров. На аэродромѣ человѣческія точки, как муравьи, торопились вывести аэропланы, но—поздно: Бакал был уже над ними.

На один миг он заколебался, выбирая цѣль, затѣм плавно перешел в пикэ и, развив скорость, с бомбами провалился в крышѣ ангара.

И как будто небо раскололось и разлетѣлось на куски, дрогнул воздух и клубы чернаго дыма застлали от меня аэродром.

По силѣ сотрясеиія можно было предположить, что в нѣмецких ангарах временно был склад бензина и аэропланных бомб, которыя и взорвались от черырех бомб Бакала.

* * *

Далеко в сторонѣ, выйдя из под артиллерійскаго обстрѣла, я оглянулся на мѣсто катастрофы.

Там, гдѣдвѣм инуты тому назад стояли четыре ангара, сейчас бушевало жуткое огненное озеро.

Приказ № 50.

29-го сентября по новому стилю 1922 года в час тридцать минут дня по приказу Командующаго группой генерала Молчанова из Спасска Приморской Области на развѣдку вылетѣл 180 сильный двухмѣстный Сальмсон с летчиком прапорщиком Рождественским и летчиком-наблюдателем штабс-капитаном Ягодкиным.

Пройдя по желѣзнодорожной линіи до вѣтки Скидельскаго и углубившись вправо в тайгу до села Бѣлая церковь, Сальмсон из-за неисправности масляной помпы вернулся обратно.

Развѣдка не удалась.

В тот-же день был получен второй приказ, согласно чему надлежало освѣтить район: Свіягино, Бѣлая церковь, далѣе жел.-дор. вѣтку до села Игодынце, долину рѣки и теченіе Даубихэ до села Бѣльцево и через Яковлевку, Угодыще, Зеленовку возвратиться в Спасск.

О всем замѣченном донести не позднѣе 18 часов 30-го сентября.

Рѣшили вылетѣть с разсвѣтом, чтобы раньше вернуться, т. к. 30-го сентября или 17-го по старому стилю в день Вѣры, Надежды, Любви и Софіи в Спасскѣ задолго готовилились к этому торжественному дню.

Была именинница и супруга пр. Рождественскаго, кумир гарнизона, прелестная Вѣра Федоровна, обладающая чистым, пріятным голосом и пѣв-

шая, как любительница, на благотворительных вечерах.

А капитан Ягодкин был необходим и незамѣнимъ, как хозяин и полновластный владыка гарнизоннаго и офицерскаго собранія.

По уговору заранѣе, принимая во вниманіе неисправную работу масляной помпы и мотора, на случай вынужденной посадки рѣшено было одѣться в полет в босяцкіе, рваные костюмы: окрестности кишели красными.

В семь часов утра с пятичасовым запасом горючаго, Сальмсон оторвался от спасскаго аэродрома и пошел на сѣвер.

Помпа работала.

Вмѣстѣ с узкоколейной дорогой Сальмсон отошел от желѣзнодорожной линіи Спасск—Хабаровск и, пройдя Бѣлую Церковь, повернул к югу по теченію рѣки Даубихэ.

Занятые осмотром рѣки и ея притоков, летчики не обращали особеннаго вниманія на сгущающуюся облачность и, обнаружив движеніе на плотах красных частей и интенданства на юг, начали заносить помѣтки на картах и в полетную книжку.

Описывая круги, машина держалась на одной высотѣ в 900—1000 метров и время от времени Сальмсон входил в облака.

Ниже по теченію рѣки была замѣчена переправа красных. Кроки вторично отняли время.

Бензиновый бак наполовину пуст: пора возвращаться в Спасск.

Машина снова вошла в облако. Кругом ничего не видно и Сальмсон потерял направлеиіе.

Снизившись до пятисот метров, летчики очутились в незнакомой мѣстности.

Рѣка Даубихэ исчезла. Сплошной бархатно-зелено-багряный ковер тайги прорѣзывался на мгновеніе руслами маленьких рѣчушек и ручьев, которые так-же мгновенно исчезали, т. к. видѣть их

можно было только находясь вертикально над ними.

Аппарат пошел кругами, надѣясь натолкнуться на Даубихэ.

При кренѣ у капитана Ягодкина боковым вѣтром выдуло карту. Достать вторую и послѣднюю из передней кабинки на первый взгляд казалось дѣлом простым, но едва карта была приподнята над козырьком для передачи, как вѣтер разорвал ее в клочья и от нее осталось только то, что было зажато перчаткой.

На днѣ кабины карта кое как была составлена.

Отсутствіе авіаціоннаго компаса и облачность помѣшали взять правильный курс и Сальмсон пошел зигзагами без оріентировки: земля виднѣлась только под ногами, кругом все скрывалось в облаках и туманах. Одна надежда — вслѣпую набрести на желѣзно-дорожную линію.

Бензина осталось на тридцать минут.

То ныряя в облаках, то выходя из них, аппарат летѣл в приблизительном направленіи.

По времени и по запасу бензина вернуться в Спасск уже не представлялось возможным.

Явилась необходимость, пока мотор работает, сѣсть на первой удобной площадкѣ.

В скором времени среди тайги показалась и лужайка, на которую и рѣшили опуститься.

Сальмсон начал снижаться.

Площадка, ровная и удобная для посадки издали и сверху, вблизи при подходѣ оказалась совешенно непригодной, но искать новую было рискованно: можно-ли отыскать в теченіе нѣскольких минут и не остановится-ли через полминуты мотор.

Подхода не было. Вокруг стояли кедры в 40-50 метров высотою и Сальмсон начал вписываться в площадку кругами и снижаться, на вертикальных виражах едва не касаясь колесами деревьев.

Большой опыт пр. Рождественскаго в фигурных полетах и школа высшаго пилотажа позволили благополучно дойти до самой земли, но площадка состояла из предательских маскированных бугров и канав и, естественно, хотя и с уменьшенной скоростью, машина врѣзалась в канаву и снесла шасси и надломила крыло.

Несмотря на поломку и выход из строя аппарата, посадка вышла очень удачной. Из летчиков пострадал капитан Ягодкин, сильно ударившись при толчкѣ ключицей об обшитый кожею борт кабины.

Засунув револьверы за пояс, летчики выбрались из разбитой машины и осмотрѣлись.

Какой разительный, какой ошеломляющій контраст в перемѣнѣ обстановки.

Суетливая, шумная, напряженная гарнизонная жизнь в Спасскѣ небольшой горсти бѣлых и—увы—послѣдних Могикан и тут-же рядом—дикій, хмуро-сумрачный, дѣвственный мір приморской тайги.

Знаменитая Тигровая Падь отрогов Кентей-Алина.

Гигантскіе, циклопических размѣров стволы вѣковых кедров мощно возвышались над тайгой своими желто-красно-бурыми колоннами, придавая суровый колорит общему пейзажу первобытнаго лѣса. Осенне-зеленая лужайка, мокрая от росы и тумана, как и тысячу лѣт назад, была невоздѣланной и сплошь заросшей сорными травами.

Провалы между деревьями курились призрачными сѣро-голубыми дымками и оттуда временами тянуло густыми, неизъяснимо пріятными запахами невидимых цвѣтов и растеній и здоровым запахом прѣлой, черноземной земли.

Высокіе, мокрые папортники.

Для завершенія цѣльности и стиля картины, здѣсь не хватало грандіозной фигуры атлантозавра.

Блеклые тона лиственных деревьев, таинственные глубины дремучей, непроходимой тайги, никѣм и ничѣм ненарушаемой тысячелѣтній сон сказочно заколдованнаго мертваго уголка царства природы, глубокая, поразительная тишина, величіе и спокойствіе, загадочные шорохи, низкое, сѣрое небо, до котораго можно коснуться рукой и— искалѣченный коричнево-лакированный Сальмсон, двое вооруженных людей, затерявшіеся и пропавшіе, как в безбрежном морѣ, в тайгѣ.

Как это не увязывалось, как не укладывалось с дѣйствительностью!

Часы показывали 12 дня.

В полуверстѣ, среди деревьев появились люди.

Удалось разсмотрѣть, что они невооружены, не в формѣ; поблескивали стекла бинокля.

Кто—они: красные или бѣлые, партизаны или мѣстные жители.

Они безусловно видѣли Сальмсон, ярким пятном рѣзко выдѣляющійся на фонѣ лѣса.

Готовые к неожиданным дѣйствіям со стороны населенія, пропитаннаго фантастическими идеями большевизма, летчики приблизились к группѣ людей, стоявшей на окраинѣ лужайки.

К счастью поселяне оказались старообрядцами, живущими отдѣльно на хуторѣ.

Пришлось срочно выдумывать исторію о попыткѣ провести коммерческую воздушную линію Владивосток—Харбин, о потерѣ оріентаціи в облаках, поломкѣ машины и т. п.

Им кажется повѣрили.

На разспросы отвѣчали охотно: посадка сдѣлана у старообрядческаго хутора, состоящаго из пяти-шести дворов. Ближайшей деревней к хутору была Бреевка, откуда шла дорога на Анучино.

Накануне полета летчики получили сообщеніе, что Анучино занято группой генерала Бородина.

Но стоял-ли сейчас генерал Бородин или там были красные—выяснить не удалось.

На хуторѣ задерживаться было опасно и, наскоро закусив и переложив в подаренную хуторянами походную суму банку меда и хлѣб, отправились по указанной дорогѣ на Бреевку.

Когда хутор остался далеко позади, в цѣлях безопасности свернули с дороги и пошли по тропѣ.

Если генерал Бородин был в Анучино, то по дорогѣ должны двигаться или отступающія части красных или идущія на подмогу. В извивающихся поворотах дороги легко можно было натолкнуться на разъѣзды или сторожевые посты.

Побрели осторожно, прислушивались. Руки на рукоятках револьверов.

В Бреевку не входили; обошли с правой стороны и снова пошли по тропѣ, дѣлая неожиданные повороты и зигзаги.

На деревьях кое-гдѣ виднѣлись вырѣзанные ножем или вырубленные топором знаки, указывающіе дорогу.

С наступленіем темноты свернули в чащу, отошли на нѣкоторое разстояніе и заночевали без костра.

Настроеніе было подавленное: у одного за свою именинницу, у второго за банкет и бал в гарнизонном собраніи.

Спать не удалось: холод пронизывал насквозь.

Продремав до разсвѣта, позавтракали из сумы и отправились дальше.

Через два дня набрели на маленькую деревушку. Издали осмотрѣли: красных повидимому не было. Рѣшили войти и выяснить обстановку.

В крайней избѣ деревенская баба отвѣтила, что партизан нѣт, а «тыпограхвія» кудой-то ушла.

Идя вдоль по улицѣ уговорились на разспросы отвѣчать: рабочіе с бухты Ольги на призыв в Анучино.

На крыльцѣ одного дома появилась фигура военнаго. Прошли мимо и откозыряли.

— Куды.

— На призыв в Анучино.

Костюмы оборванцев не возбуждали подозрѣнія (свои значит) и на этом разговор кончился.

За околицей свернули в чащу и, отойдя от дороги с полверсты, начали совѣщаться.

Остановились на продолженіи пути на Анучино. Выхода не было.

Дальше верстах в восьми, за прворотом дороги показалась убогая деревушка. Обойдя с боков и убѣдившись, что красных в ней нѣт, вошли в улицу. В первой избѣ получив свѣдѣнія, что красные куда-то ушли, попросили поѣсть. Наскоро проглотив по куску хлѣба (больше ничего не нашлось), снова зашагали вперед.

Ухабистая дорога шла под уклон и временами можно было видѣть далеко.

В одном из таких поворотов дороги впереди показались три кавалериста.

Сойти с дороги и уйти в тайгу было поздно, т. к. всадники тоже замѣтили пѣшеходов и, чтобы не вызвать лишних подозрѣній, пошли навстрѣчу тѣм-же шагом, не торопясь, в развалку и первые окрикнули:—Здорово, товарищи.

— Здорово. Куда идете.

— В Анучино. Сколько верст туда.

— Да верст 15—16 будет.

Всадники поѣхали дальше.

Тайга начала рѣдѣть. Высокія деревья смѣнились низкорослыми, запахло гнилым болотом и впереди показались рисовыя поля.

В сторонѣ ютилась полуземлянка, полузаимка.

Усталость и голод заставили войти в дымное, насквозь прокопченное жилище. Внутри хибарки сидѣл кореец.

Кое как дали ему понять, что голодны. Чтобы

окончательно расположить его к себѣ, показали деньги.

На канѣ появился суп. Но какой суп. Несмотря на голодовку, зачерпнув по ложкѣ супа и отправив его в рот, долго раздумывали: проглотить или выплюнуть.

Даже не обладая качествами гурмана и гастронома, было очевидно, что суп состоял из кипяченой воды и невѣроятнаго количества, захватывающаго дыханіе, краснаго перца.

Молча, телепатически рѣшили подчиниться судьбѣ. Проглотили, прослезились, прокашлялись.

— Э, была — не была, хлебай, Александр Алексѣевич!

С красными глазами, хватающіе ртом воздух, с ощущеніем гвоздей в желудкѣ, летчики покинули гостепріимнаго корейца и снова побрели по дорогѣ.

Смерклось, когда они увидѣли огни деревни.

Принимая всѣ мѣры предосторожности, зашли в избу у околицы. Встрѣтили хмуро, но разрѣшили заночевать и даже дали поужинать. За ужином обыковенный разговор и разспросы: кто такіе и т. п.

— А куда это вы идете.—

— В Анучино.—

— Зачѣм.—

— На призыв.—

— Там сейчас всѣ красныя части.—

— Так вы—рабочіе с Ольги. А здѣсь вот двух авіаторов ищут,—добавил с особой интонаціей мужик.

Сказал-ли он с цѣлью предупредить их или с тѣм, чтобы показать, что он-де догадывается, какіе это рабочіе с Ольги.

Легли спать на полу. Потушили свѣт.

Спать не пришлось: ожидали, что мужик пойдет с доносом или пошлет кого нибудь.

Уговорились затемно бѣжать из деревни.

С приближеніем разсвѣта осторожно выбрались из избы и с шоссе повернули в чащу.

Анучино—красное гнѣздо—гдѣ-то было недалеко, рядом и по дорогѣ должно быть стояли сторожевые посты.

Карты не было. Приблизительно опредѣлив мѣстонахожденіе Анучино и, догадываясь отсюда, гдѣ проходит линія желѣзной дороги Никольск — Владивосток, пошли прямо наперерѣз.

По компасу взят курс: азимут—230°.

Обойдя Анучино и спустившись по логу, подошли к отрогам Кентей-Алина. Свѣряясь с магнитной стрѣлкой, забрели в дикую трущобу.

Начался подъем:

На пригоркѣ попались признаки охотничьяго ночлега, без крыши, без стѣн. На земляном валу, окружающем эту берлогу, нашли пустую бутылку, которую и прихватили с собою, как флягу.

Были замѣтны тропы, проложенныя давным давно, совершенно заросшія и теряющіяся в непосредственной от берлоги близости.

От подошвы—Кентей-Алин возвышался, на взгляд, тысячи на полторы метров и невольные путешественники проэктировали заночевать на перевалѣ хребта.

Мечты были вскорѣ нарушены: мелкій колючій кустарник, переплетенный, как проволочными загражденіями, тонкими, в карандаш, но очень длинными стеблями дикаго плюща, представлял собою настолько сложное препятствіе, что приходилось продираться через него с ножами в руках. Ноги, как в капканах, запутывались; падали, рѣзались стеблями и за час прошли вперед не больше версты.

Глаза охватывали границы кустарника, казалось что еще немного и они выберутся из ловушки, но проходил час за часом, а кустарнику не было конца.

Он оборвался вдруг, полосою. Дальше раз-стилалась тайга.

Вздохнули с облегченіем и посмотрѣли вверх. До вершины хребта—рукой подать.

Тайга готовила новый сюрприз: на влажной почвѣ отчетливо выдѣлялись, вдавленные в землю свѣжіе слѣды тигра.

Положеніе создалось не болѣе заманчивое, чѣм в колючем кустарникѣ. Пошли шаг за шагом, держа револьверы наготовѣ. Послышались шорохи, заставляющіе останавливаться и осматриваться. Безпричинные шумы со всѣх сторон.

А итти становилось все труднѣе и труднѣе. То петлями, то в сторону, то на четвереньках под сваленными ураганом деревьями, минута за минутой, час за часом поднимались выше и выше.

День уже склонялся к вечеру, а до вершины попрежнему оставалось такое-же небольшое разстояніе.

Остановились ночевать, В поисках воды и за валежником разошлись в разныя стороны.

Возвращаясь к мѣсту ночлега, едва не обстрѣляли друг друга: каждый подкрадывался к шороху шагов другого одновременно с двух сторон.

Встрѣтились—нос к носу, револьверы—дуло к дулу.

Спали чутко между двумя кострами.

* * *

Утром, в началѣ пути — новое разочарованіе. Взбирались не на основной хребет, а на один из параллельных.

В ложбинѣ нашли остатки длиннѣйших заборов. Давным давно, вѣроятно, здѣсь были охотничьи загоны для звѣрей.

И опять тайга, тайга и тайга...

Однообразная, монотонная, молчаливая, угрюмая.

Бурелом, мѣшающій итти, кристально чистые ручьи, кедры, чернолѣсье, трава мѣстами выше человѣческаго роста.

Спуск вниз, потом подъем, ровное мѣсто, опять вверх... сколько сейчас времени: семь утра полдень или скоро вечер.

Выбились из сил. Сѣли закусывать. По куску консервов, и хлѣба, вода без нормы и мед, за отсутствіем ложки, соломинкой на обсос.

Послѣ продолжительнаго подъема снова ночлег. Взглядом измѣрили пройденное за день разстояніе. Верст пять-шесть поубавилось, а вершина Кентей-Алина на прежнем мѣстѣ.

Ночью было слышно как трубили лоси, шорохи неизвѣстной причины доносились со всѣх сторон и очень назойливо, костры время от времени прогорали, приходидось часто подбирать валежник для поддерживанія огня.

Так прошла еще ночь.

На разсвѣтѣ доѣли хлѣб, запили ключевой водою и пошли с обязательной цѣлью дойти сегодня до вершины.

Но день прошел, наступил вечер, стемнѣло, а до перевала все еще было далеко.

Голодные, выбившіеся из сил, остановились на ночевку. Остатки консервов с хлѣбною трухою брошены в котелок с кипятком. Получившаяся бурда, нѣчто вродѣ тюри, с аппетитом была немедленно съѣдана, но без намека на утоленіе голода.

Спали, как убитые, без всяких мѣр предосторожности и проснулись, дрожжа от предразсвѣтной сырости.

Автомотически шагали цѣлый день и, наконец, взобрались на хребет.

На вершинѣ раскинулось огромное, ровное

плато. Картина видоизмѣнилась тѣм, что здѣсь росли березы и невысокая трава.

Стало несравненно легче идти и веселѣе.

Вот и конец плато.

Осмотрѣли безконечный горизонт и начали спускаться вниз.

Надежды на болѣе легкій путь рухнули: направленіе перпендикулярно перерѣзывалось сплошными каменными, почти отвѣсными террасами, на которыя приходилось вскарабкиваться на четвереньках, или подтягиваться, как на турникѣ. Обходить не было возможности: террасы по сторонам уходили из поля зрѣнія, скрываясь в сѣрой дали.

Тайга порѣдѣла, пересѣченная множеством маленьких рѣчушек и ручьев.

Шли напрямик до изнеможенія.

Питались только кедровыми орѣхами, курили листья и мох, учитывая каждую спичку.

Шли, шли и шли...

* * *

На двѣнадцатый день путешествія встрѣтили большую рѣку. Брод отыскался в сторонѣ. По камням перескочили на противуположный берег и пошли по теченію рѣки, в надеждѣ набрести на село или деревню.

В лѣсной чащѣ неожиданно показалась торная дорога с глубокими колеями.

Обрадованные, как дѣти, скорому концу всѣх мытарств, оборванные и превратавшіеся в подозрительных босяков, летчики бодрѣе зашагали по дорогѣ.

Замѣтив на лошадиной тропѣ просыпанную около двух горстей кукурузу, они забрали ее в суму, не зная—сколько времени им еще придется

итти до линіи желѣзной дороги. Но предосторожность оказалась излишней.

В верстѣ от того мѣста, гдѣ была просыпана кукуруза, им повстрѣчался кореец с удилищами через плечо. Мимикой и жестикуляціями расспросили его—гдѣ деревня. Насколько удалась его понять, деревня находилась недалеко, в указанной им сторонѣ.

Ноги сами прибавили шагу и через нѣсколько минут из-за деревьев выглянуло небольшое, но зажиточное село с маленькой, чистенькой и красивой церковью.

На крыльцѣ первой хорошей избы стоял типичный русскій мужик с бородою.

Разговаривая с ним, назвались партизанами из разбитых генералом Бородиным красных частей. Мужика (как вообще всякаго русскаго загадочнаго мужика) трудно было раскусить: на сторонѣ ли красных его симпатіи или он сочувствует бѣлым. Неопредѣленные его отвѣты напоминали изреченія мифологической пифіи.

— Ну, как вы живете.

— Да ничего. Безпокойства много.

— От кого.

— Солдаты ходят. Красные или бѣлые—не знаем.

— В вашем селѣ есть красные.

— Сейчас нѣт, а може и есть.

— А гдѣ --бѣлые.

— Слышал: на Угольной. Чи правда, чи ни.

— Как-бы нам пробраться на Угольную.

— А пойду поспрошаю. Сегодня, кажись, ѣдут на ярмарку.

Скупой на слова, мужик оказался щедрым на угощеніе. Послѣ кедровых орѣхов каким вкусным показался несложный обѣд: картофель в мундирѣ, соленые огурцы, свиное сало и хлѣб.

Тѣм временем, когда все поданное на стол истреблялось со сказочной скоростью, мужичек по-

бывал у своих родственников и, вернувшись, сказал, что его кум ночью ѣдет на ст. Угольная и заберет попутчиков.

В два часа ночи выѣхали на телѣгѣ. Возница попался словоохотливый: дорогою он, ни на кого не ссылась, пожаловался на наступившую безпокойную жизнь и, между прочим, намекнул, что в ближайшей деревнѣ, стоит красная застава.

Ѣхали часа полтора, дрожжа от сырости и холода. В туманѣ не замѣтили, как въѣхали в околицу.

Деревня спала.

На другом концѣ поселка, в крайней избѣ горѣл свѣт и дверь была настеж раскрыта. Это и была застава.

План был разработан наскоро и состоял в слѣдующем: когда, послѣ окрика—кто ѣдет—к телѣгѣ вплотную подойдут красные, отвѣчать стрѣльбой из двух револьверов в упор, затѣм, пока остальные выбѣгают из избы, прапорщик Рождественскій выкидывает из телѣги ямщика, схватывает возжи и гонит лошадей, а капитан Ягодкин отстрѣливается. Проѣзжая освѣщенную избу, попали в полосу свѣта. Окриков нѣт.

Потонули в потемках, проѣхали сажен сто. Околица. Никого нѣт.

Еще сто саженей, двѣсти... верста...

Так и проѣхали заставу.

Красные конечно видѣли их, но, может быть, пропустили, не допуская мысли, что из глубокаго тыла, да еще через горный хребет, могут пробраться бѣлые.

С разсвѣтом въѣхали на сучанскія каменноугольныя копи.

У водопоя встрѣтили кавалериста с кокардой на фуражкѣ. Подъѣхали к нему и спросили гдѣ комендант. Он указал на избу.

Адъютант коменданта, подозрительно осмотрѣв двух оборванцев, поинтересовался узнать кто

они — такіе и, выслушав объясненіе, попросил обождать.

Комендант оказался знакомый по спасскому гарнизонному собранію полковник Компанейцев, который не сразу узнал капитана Ягодкина, а, узнав, немедленно распорядился выдать им временныя удостовѣренія и литеры второго класса на проѣзд по желѣзной дорогѣ.

До отхода поѣзда, выпив и закусив у радушнаго коменданта, вышли на перрон и размѣстились в удобном купэ.

На ближайшей станціи от Сучана стояли пѣхотныя части. В купэ подсѣл один из сыщиков, глаз не спускавшій с необыкновенных пассажиров второго класса.

Здѣсь получили свѣдѣнія, что Спасск оставлен бѣлыми, фронт под Никольск-Уссурійском, а авіаціонный отряд на разъѣздѣ „Шестая верста“.

На Шестой верстѣ поѣзд не останавливается, лишь убавляет ход. Соскочив с поѣзда, летчики увидѣли, как за ними спрыгнула и фигура, сидѣвшая в купэ рядом.

На запасных путях стоял их авіаціонный отряд.

Неожиданное появленіе без вѣсти пропавших, многими уже похороненных, в отрядѣ вызвало переполох. Послѣ объятій, поцѣлуев и слез, разсказов и повтореній, веселая и шумная компанія усѣлась за лукулловскій стол, среди закусок и вин котораго аппетитно выдѣлялся немного запоздавшій именинный пирог Вѣры Федоровны.

Пани Ванда.

Я только что получил письмо от своего прiятеля из Абиссинiи, в котором он сообщал, что наш друг и бывшiй командир истребительнаго отряда умер от мѣстной лихорадки. С его смертью он, не нарушая слова, может разсказать о случаѣ на фронтѣ из жизни отряда, во время постоянных и безпрерывных перебросок с участка на участок.

Я боюсь, что меня заподозрят в романтизмѣ или в слабости к произведенiям Уоллеса.

На это можно смѣло отвѣтить, что то, что происходило на фронтѣ, (отдѣльные эпизоды Великой Войны) заставляло блѣднѣть вымышленныя трагедiи современных кино-сценарiев.

Когда со стараго аэродрома мы перелетѣли на новое мѣсто, военный летчик корнет Шестов, посланный вперед квартирьером, встрѣтил нас с загагадочной улыбкой.

Послѣ рапорта командиру, он, обращаясь ко всѣм, сказал многозначительно: «Господа, я увѣрен, что никто и никогда еще не выполнял миссiи квартирьера так блестяще, как я. Будьте готовы к сюрпризу».

Новый аэродром дѣйствительно представлял прекрасную площадку для посадок и на опушкѣ лѣса имѣл неглубокую просѣку, гдѣ можно было удобно замаскировывать аппараты нашего отряда.

— Аэродром хорош, нечего сказать, но... это и есть ваш сюрприз? спросил командир.

— О, нѣт. Сюрприз во первых заключается в

том, что мы будем жить не в палатках, а в роскошном особнякѣ. Что-то вродѣ стараго помѣстья. В глубинѣ лѣса, шагах в двухстах отсюда. На берегу большого пруда, рядом с фруктовым садом. Купанье, рыбная ловля...

— И помѣщенiе в цѣлости?

— Здѣсь не было сильных артиллерiйских боев. И крыша есть, и стѣны, даже стекла не выбиты.

— Странно. Ну, ведите-ка нас. Посмотрим на ваш сюрприз «во первых», а что вы приготовили нам «во вторых?»

— А во вторых, нас ожидает не закуска из консервной дряни, а лукулловскiй обѣд с батареей наливок и вин.

— Жаль нѣт спецiальных орденов для квартирьеров,—немедленно представил-бы. Есть еще и в «третьих?»

— О «третьих» я прошу разрѣшенiя пока умолчать. Хочу насладиться выраженiем ваших лиц.

Пока происходил этот разговор между офицерами отряда, команда завела всѣ машины в просѣку и замаскировала их палатками защитнаго цвѣта и вѣтками деревьев.

Когда все было закончено и был выставлен караул, командир попросил корнета Шестова быть их проводником.

Лѣс, через который они проходили, был густой, темный, со сводами. Дорога круто опускалась вниз и переходила в аллею. Послѣ нѣскольких живописных изгибов офицеры подошли вплотную к озеру и остановились у плотины, ведущей к усадьбѣ.

Мѣста были порозительно красивыя.

Огромный двор был превращен в цвѣтник. Через широкую веранду, обвитую хмѣлем, плющем и диким виноградом корнет провел своих соратников

во внутреннія полутемныя и, несмотря на роскошь, мрачныя комнаты.

— Вы, корнет, кудесник. Даже не вѣрится, что мы на фронтѣ.

— Подождите, господа, расхваливать меня: я приготовил для вас нѣчто, при видѣ чего, клянусь, у нѣкоторых по спинѣ поползут мурашки.

— Ну, ну, давайте. Посмотрим, что это за штука.

У многих мелькнула догадка... Только сейчас нам в глаза бросилось, что корнет тщательно выбрит, в новом кителѣ и в блестящих сапогах.

Корнет лихо крякнул, подтянул ремни и, удалым жестом проведя пальцами по отсутствующим усам, начальническим тоном сказал: «Вниманіе!»

Открыл дверь в корридор и крикнул: «Пани Ванда, мои коллеги ждут вас».

Мы обмерли и переглянулись. Боже, что за рожи! Обросшія, сальныя, грязныя. Ботфоры в грязи и глинѣ, пакля вмѣсто причесок, галифе и кителя—кошмар, ужас...

У меня на колѣнкѣ—дыра в ладонь. Зацѣпил вчера чорт знает гдѣ за гвоздь какой-то.

Командир быстро спросил: «Хорошенькая?»

Корнет, как в мелодрамѣ, схватился за сердце и закатил глазки.

Мы всѣ были возмущены тѣм, что Шестов не предупредил нас, сорвались было с мѣст, но было поздно: пани Ванда шла по корридору.

Еще издали я разсмотрѣл тяжелыя, переброшенныя вперед через плечи, ея косы, роскошную фигуру и мраморную бѣлизну лица и плеч.

Ванда вошла в зал.

Она была чистым, безо всякой примѣси, образцом аристократки. Красиваго в ней было мало, но она была адски, именно адски хорошенькая и неотразимо-обаятельная. Нервный нос, глаза пе-

пельнаго цвѣта, глаза русалки. А как она играла этими глазами!

Корнет по очереди представил ей нас.

Она переспрашивала наши фамиліи и с врожденной граціей подавала нам свою маленькую выхоленную руку.

— Мичман Шатов?—переспросила она меня.

Командир отвѣтил: «Почти Лейтенант: уже представлен к производству.»

— Я увѣрена, что мы будем друзьями, — сказала мнѣ Ванда.

— Почему?—обрадовался я.

— Потому что вы—самый молодой из всѣх.

Я обидѣлся:—Но, во всяком случаѣ, я старше вас.

— Ребеночек,—вставил корнет рѣшительно.

Я вспыхнул:—Корнет, прошу...

— Пардон. Я ошибся: мичман Шатов уже взрослый человѣк, т. к. прошел почти год с тѣх пор, как его в послѣдній раз отец выпорол.

Ванда заступилась: — Кто причинит непріятность мичману, тот будет имѣть дѣло со мною.

— А если я его на дуэль вызову? — спросил Шестов.

— Будете со мною драться. Только предупреждаю: я не дѣлаю промахов. А сейчас, господа, я отдам распоряженіе, чтобы накрывали на стол. Вы, мичман, очень голодны?

Ванда положила руку на мое плечо и обдала меня лучами своих прекрасных русалочьих глаз.

— И да и нѣт. Я вам очень благодарен, Ванда, — отвѣтил я, чувствуя, что весь во власти ея зажженаго каким-то внутренним огнем взгляда.

— Настоящая русалка—подумал я.

— Итак—мы друзья?—задала вопрос Ванда с особой интонаціей в голосѣ. Она обаятельно улыбалась, но в этой улыбкѣ чувствовалась демоническая, неотразимая сила.

Не дожидаясь отвѣта, Ванда обратилась ко всѣм: —Даю вам, господа, полчаса на то, чтобы вы размѣстились по комнатам, а через полчаса — всѣ сюда обратно, к столу.

Мы раскланялись.

Через минуту всѣ схватились за бритвы, за мыло и через полчаса мы из шайки бандитов превратились в вылощенных летчиков корпусного отряда.

За столом Ванда посадила меня рядом с собою и удѣляла мнѣ большее вниманіе, чѣм всѣм остальным.

Два-три часа спустя я, разумѣется, был влюблен в Ванду и, ради нея, был готов на любую жертву и на любую глупость.

* * *

Послѣ обѣда и вечером Ванда спряталась в свои комнаты и не показывалась.

Я пошел бродить по берегу пруда.

Уже совсѣм смерклось, когда я очутился в дальнем концѣ усадьбы, за зарослями.

Еле замѣтная тропинка раздваивалась: одна вела в чащу лѣса, а другая извивалась дальше по берегу, к группѣ громадных ив на небольшом полуостровѣ.

Механически повернув туда, я увидѣл скамейку, прислоненную к дуплистому дереву и направился к ней.

Отсюда открывался чудесный вид на все, сплошь заросшее, озеро.

Вниманіе мое было привлечено раздвигающимися камышами на берегу. Кто-то шел сюда по тому пути, по которому я только что пришел.

И какова была моя радость, когда я вскорѣ увидѣл спѣшившую сюда Ванду.

Мнѣ хотѣлось броситься к ней, но, почему — сам не знаю, я спрятался от нее за дерево.

До меня донесся шелест раздвигаемых камышей и, наконец, ея шаги.

Я был почти в темнотѣ и меня не было видно, а Ванда четко выдѣлялась на фонѣ свѣтло-синяго озера.

Может быть она пришла на свиданіе? — зародилось вдруг подозрѣніе.

Ванда осмотрѣлась и тихо позвала: — Мичман Шатов!

Я выскочил из засады.

— Вы развѣ не видѣли меня? — почти шепотом спросила она.

Жгучая ревность опалила меня и я отвѣтил ей: —Я подумал, что вы кому-нибудь назначили здѣсь свиданіе.

— Я никому не назначала, но шла на свиданіе. Мнѣ вдруг захотѣлось видѣть вас и поговорить с вами. Глупый милый.

Сядем сюда на скамью. Это мое любимое мѣсто. Мнѣ сегодня так скучно, так тяжело. Разскажите мнѣ что нибудь о себѣ. Я очень интересуюсь вами. Давно вы на военной службѣ, летчиком, в каком отрядѣ, гдѣ летаете, какія геройства совершили, кто из ваших считается лучшим летчиком. Меня страшно интересует и авіація. Я никогда раньше не видѣла близко аэропланов. Навѣрное, очень страшно летать. Вы меня покатаете?

Я с удовольствіем отвѣчал ей на всѣ задаваемые ею вопросы и обѣщал, если разрѣшит командир, полетать с нею в ближайшее время.

Спустя час, когда уже стояла ночь, Ванда вдруг вспомнила, что мы всѣ без ужина. Она поднялась, близко, близко наклонилась к моему лицу и, вкладывая в интонацію всю силу обаянія, проговорила, как-бы про себя: —Милый мой мальчик! Как мнѣ жаль!

С сегодняшняго дня вы — мой самый, самый лучшій другъ!

Она протянула мнѣ руку для поцѣлуя и, слегка опираясь на меня, медленно пошла к дому.

За ужином, я по выраженію глаз моих пріятелей догадался, что им извѣстно о моем вечернем исчезновеніи: командир черезчур сосредоточенно уткнулся в карту, корнет Шестов отвратительно крякнул, многіе одобрительно закивали мнѣ головами.

Ванды не было. Ужин прошел незамѣтно и мы быстро разошлись по своим комнатам.

Я долго ворочался с боку на бок. Снилось мнѣ, что я сбиваю нѣмцев десятками, что я уже командир отряда и на плечах—генеральскіе погоны. Я, якобы, ѣду в отпуск с женою. Жена, конечно, Ванда. Снилась всякая чушь, какая может сниться двадцатилѣтнему мичману.

Боже, какой я был тогда глупый!

* * *

На зарѣ слѣдующаго дня я был разбужен вѣстовым, который сообщил мнѣ, что всѣ отправляются купаться.

Быстро одѣвшись, я взял полотенце и вышел на веранду. Восход солнца был сказочно красивый. На дворѣ стояла наша группа и ждала командира. Мы двинулись по плотинѣ и, перейдя запруду, направились к песчаному пляжу, в полуверстѣ от усадьбы.

В тальниках мы раздѣлись и, разговаривая, подошли к водѣ.

Я взглянул на противоположный берег—он полуостровом вдавался в озеро и близко подходил к нам—и, пораженный, замер. Под развѣсистой липой, не замѣчая нас, как изваяніе, полное совершенства, облитая первыми нѣжными лучами восходящаго солнца, стояла обнаженная Ванда.

Взгляд мой был перехвачен, всѣ увидѣли Ванду и мы, кто куда, вновь скрылись в тальниках.

Ванда расчесала свои волосы, заплела их в косы и, не торопясь одѣвшись, скрылась в зарослях.

Купались мы молча. Ванда отняла всякое желаніе разговаривать. Мы молча одѣлись и по одиночкѣ возвратились домой.

За утренним кофе Ванда была неотразимо обольстительна. Она поблескивала прекрасными зубами, глаза ея то вспыхивали, то потухали, она улыбалась и в каждую улыбку вкладывала все свое демоническое очарованіе.

В Ванду были влюблены всѣ.

К вечеру из штаба арміи провели телефон. Командир пріѣхал с цѣлым ворохом новых карт и за ужином сказал нам:—Завтра, господа, начинаем.

Вечером я опять пошел к скамейкѣ под липами, но—Ванда не пришла.

* * *

На другой день, в четыре часа утра я вылетѣл на развѣдку и возвращался часов около семи.

На аэродромѣ была растянута стрѣлка. Выключив мотор, я спланировал крутою спиралью и Ньюпор мягко остановился у самой опушки.

Не снимая полетнаго костюма, я помчался к усадьбѣ: нѣмцы перебрасывали на участок большія силы и мнѣ нужно было сообщить в штаб результаты моей развѣдки.

В концѣ аллеи появилась Ванда. Она торопилась навстрѣчу ко мнѣ. Когда я подошел к нею, она спросила—могу-ли я полететать вмѣстѣ с нею.

Я отвѣтил, что на это нужно разрѣшеніе командира, а сейчас никак не могу задержаться, т. к.

у меня имѣются экстренныя свѣдѣнія, которыя необходимо передать немедленно.

— Кому?

— В штаб.

— Что нибудь ужасное?

— Да, Ванда. Скоро рядом с вашей усадьбой начнутся бои.

Разговаривая, я не замѣтил, что мы свернули с аллеи и, пройдя лужайку, подошли к Ньюпору. Ванда разспрашивала каждую часть аппарата и, наконец, забралась в кабинку.

— А это—что?

— Ручка управленія.

— А это?

— Это педали.

Интересуясь каждою мелочью, она подошла к маслянной помпѣ и спросила: «Что это за прибор?»

— Масляннная помпа.

— А это трубка?

— Маслопровод, по которому масло из помпы поступает в мотор.

— Но вѣдь вы можете во время полета поломать ее: она такая тонкая?

— Бывали случаи. Но мы уже привыкли.

— А если она оборвется, то мотор встанет?

— Тотчас-же сгорит.

— Как? Вспыхнет?

— Нѣт, потемнѣет, станет синим.

— А если вы, предположим, ногою сдавите трубку?

— Сначала мотор поработает, но через нѣкоторое время сгорит.

— Вы сейчас прокатите меня?

— Никак не могу. Я сообщу всѣ свѣдѣнія командиру, а потом, может быть, мы и подлетнем с вами.

— А я хочу сейчас!

— Не могу.

— А я хочу!

Ванда сдѣлала плаксивое лицо, потом разсмѣялась и, встав в кабинкѣ, протянула мнѣ руки: «Снимите меня».

Я взял ее на руки и почувствовал, как по всѣму тѣлу пробѣжал озноб. Нужно было-бы сразу поставить ее на ноги, но я долго держал ее на руках. Потом я осторожно опустил ее на землю и... вдруг побѣжал от нее. Я хорошо знал, что стоит мнѣ остаться на минуту еще и—я полечу с Вандой куда она захочет, сдѣлаю все, что ей нужно и выкину невѣроятную глупость:

Ванда звала меня, но я бѣжал.

Дома командир, выслушав мои донесенія, немедленно приказал выкатить свой Ньюпор и полетѣл сам, желая выяснить точное количество перебрасываемых на наш участок непріятельских сил.

Через два часа он забѣжал в усадьбу, захватил карты на мотоциклетѣ полным ходом понесся в штаб.

Командир вернулся только к вечернему чаю с новой кипою карт. За столом он заявил нам, что в теченіе ближайших дней нам придется усиленно поработать.

Послѣ чая мы по приказу командира собрались в его комнатѣ, гдѣ нам были даны заданія и объяснены причины перегруппировки нѣмецких корпусов.

Стояла невѣроятная жара, в комнатѣ командира нас собралось двѣнадцать человѣк, было душно и мы отсюда рѣшили итти купаться.

Плавали и полоскались в водѣ до наступленія сумерков. Первым одѣлся я и пошел бродить по берегу.

Еще издали на скамьѣ под липами я увидѣл Ванду. Мнѣ хотѣлось и подойти к ней и бѣжать от нее, но она сдѣлала мнѣ знак и я пошел к ней.

Я никогда не видѣл Ванду такой печальной. Она молча показала на мѣсто возлѣ себя.

Мы сидѣли молча. Ванда тоскливо смотрѣла на потухающую полоску облака у горизонта, которая сочно выдѣлялась на фонѣ темно-синяго вечерняго неба. Потом, наклонившись ко мнѣ и касаясь меня плечом, она сказазала:—Вы видите это облако в видѣ ленты. На всем небѣ только она одна. Я—тоже одна.

— Стоит вам захотѣть и на небѣ будут двѣ полоски.

Ванда разсѣянно улыбнулась и строго отвѣтила:—Я не могу любить и меня никто, никто любить не может!

— В вас-же влюблен весь наш отряд и...

— И...

— И я...

Ванда обернулась ко мнѣ. Она стала вдруг серьезной, глаза вновь вспыхнули внутренним пламенем, она долго пристально смотрѣла на меня, взгляд ея скользнул на мои губы и остановился. Я видѣл как глаза Ванды загорались и потухали, она, повидимому, боролась с собой и, наконец, быстро встала со скамьи и отошла в сторону.

Я подошел к ней. Ванда всматривалась в темную глубину озера и говорила как-бы сама с собою. — Сегодня вы здѣсь, а завтра придут нѣмцы и вы должны уйти. Нѣт, так нельзя.

— Нѣмцы придут, но мы, я думаю, не уйдем.

Ванда повернулась ко мнѣ;— Подходят русскія подкрѣпленія?

— Конечно. И, мнѣ кажется, у нѣмцев здѣсь ничего не выйдет.

— И много русских?

Я не знал какія силы подтягиваются к нам, но, чтобы успокоить Ванду, отвѣтил: — У нѣмцев ничего не выйдет!

— Вы, сдѣдовательно, останетесь здѣсь надолго?

Ванда снова перемѣнилась. Она подошла ко мнѣ и, волнуясь, спросила: — Откуда у вас такія свѣдѣнія.

— Из штаба.

— Милый. И вы... и ты здѣсь останешься, будешь со мною, очень долго, всю жизнь? И ты любишь меня?

Ванда обвила мою шею руками, положила головку на плечо и всѣм тѣлом припала ко мнѣ.

Потом я увидѣл ея огромные блестящіе глаза и в каком-то чаду услышал ея прерывистый шепот: —Цѣлуй меня... еще... еще...

* * *

Обратно мы шли, тѣсно прижавшись друг к другу. Ванда болтала всякій вздор, а я, на вершинѣ счастья, прислушивался к непередаваемо-прелестным оттѣнкам ея голоса.

Недалеко от усадьбы простились.

— Завтра, в семь вечера жди меня «там-же», на «той-же» скамьѣ. Понял?

— Конечно не забуду.

— А сейчас за ужином веди себя так, как вел себя за обѣдом. Чтобы никто ничего не знал и даже не догадывался. Если кто узнает—ты больше меня не увидишь.

* * *

За ужином всѣ, кромѣ командира, чувствовали себя отлично. Ванда была в прекрасном настроеніи, удачно острила и окончательно покорила всѣх. Странно вел себя командир: он, также, был остроумен, смѣялся, шутил, но я чувствовал, что из его головы не выходит какая-то назойливая мысль, ко-

торая не давала ему покоя. Нѣсколько раз он отвѣтил невпопад и был крайне разсѣян.

Я с тайной грустью приписал это обаянію Ванды.

Послѣ ужина командир поднялся из-за стола и, обращаясь к корнету Шестову и ко мнѣ, спросил:—Вы, господа, хотѣли поговорить со мною? Я к вашим услугам.

Шестов удивленно посмотрѣл на командира. Я, насколько помнится, тоже ничего не говорил о желаніи переговорить, но командир уже сходил с веранды и мы послѣдовали за ним.

Командир восхищался звѣздным небом, насыщенным благоуханіями воздухом и пока мы не очутились в полѣ, Недалеко от ангаров.

Здѣсь командир сразу перемѣнил тон, взял нас под руки и послѣ нѣкотораго молчанія заговорил:—Вот в чем дѣло, господа. Во время нашего купанія у меня в столѣ кто-то рылся в бумагах. Рылся в бумагах в запертом ящикѣ стола. И рылся не вор, не просто любопытный, а опытный человѣк, привыкшій копаться в чужих документах. Все сложено в таком-же порядкѣ, как и было, но одного это лицо или лица учесть не могли: не знакомые с воздушной съемкой, они перепутали порядок фотографических карт, который был тщательно подобран мною для общей сводки. Позавчера я был очень удивлен, когда при составленіи доклада у меня оказались перепутанными карточки. У меня только мелькнуло подозрѣніе. Но сегодня я убѣжден, что в нашем домѣ есть шпіон. Сегодня снова перепутаны карты. И этот шпіон—Ванда. Я увѣрен, что она разспрашивала вас о нашем отрядѣ, о расположеніи наших сил и, вообще, собирала всѣ нужныя ей свѣдѣнія. Кто из вас говорил ей об этом.

Мы оба сознались, что такіе разговоры были,

но, что оба мы не могли сообщить ей ничего особо важнаго.

Командир обозвал нас шляпами, велѣл быть осторожными и добавил: — Завтра вы, корнет, на разсвѣтѣ взорвете мост, о котором я говорил вам, а вы продолжайте роль влюблюннаго.

— Ванда просила меня полетать с нею.

— Прекрасно. Ни в чем не отказывайте ей. И все время наблюдайте.

И в эту ночь я спал отвратительно. Встрѣтил восход солнца, видѣл взлет корнета Шестова и только часов в шесть утра я заснул тревожным сном.

* * *

В четыре вечера меня разбудил вѣстовой и доложил, что меня желает видѣть госпожа хозяйка, которая ждет меня на верандѣ. Дома никого нѣт: всѣ ушли купаться.

Быстро одѣвшись, я вышел на балкон и в аллеѣ увидѣл Ванду. Всѣ мои сомнѣнія разлетѣлись в дым, когда я взглянул на ея фигурку, туго обтянутую легким лѣтним платьем.

Развѣ может шпіонка быть такой очаровательной.

Она улыбаясь сдѣлала знак зонтом и пошла в гору к аэродрому. Я догнал ее и поздоровался. Она по кошачьи протянула мнѣ сначала одну, а потом и вторую ладонь для поцѣлуя и, убѣдившись, что никого вокруг нас нѣт, отставила зонт в сторону и поцѣловала меня в губы.

— Ты сейчас мой,—спросила она глухим голосом.

Меня охватило непередаваемое чувство восторга при сознаніи, что такая дивная женщина — моя, моя собственная и я в этот момент искренне считал себя счастливѣйшим человѣком.

Опасенія командира казались мнѣ чудовищно невѣроятными.

Мы брели под руку к аэродрому и, выйдя из лѣса, направились к палаткам.

Ванда попросила меня посмотрѣть аппараты. Я отпустил караульнаго начальника и мы пошли осматривать ангары. Сначала я показал ей свой Ньюпор. Она с удивленіем разсматривала крылья и поражалась их хрупкости.

А когда вы покатаете меня?

— Когда хотите.

— Можно сейчас?

— Конечно.

Выкатили двухмѣстный Сопвич. Я помог Вандѣ одѣть полетное платье и сам прикрѣпил ее ремнями к кабинкѣ.

Я видѣл ее в круглое зеркало: она сидѣла позади меня.

Ее испугал рев мотора. Я осторожно, как в авіошколѣ, поднял ее на тысячу метров и на такой высотѣ пошел на круг. Ванда в трубку попросила меня показать ей старый аэродром и я направил Сопвич на сѣвер.

Через полчаса, выключив мотор, мы планировали над огромной площадкой, все болѣе и болѣе опускаясь. Чтобы винт не встал окончательно я временами включал мотор.

Ванда попросила меня — нельзя-ли ей издали посмотрѣть на передовыя позиціи.

Я охотно согласился и Сопвич, сдѣлав разворот, пошел к западу.

Я боялся нападенія и мы, подойдя к русским окопам, на небольшой высотѣ пошли вдоль позицій. Ванда внимательно всматривалась в едва замѣтныя извилины окопов и находила невѣроятным, что в этих темных ниточках (окопах) сейчас находятся сотни тысяч, милліоны людей.

На обратном пути она говорила, что самые

лучшіе люди—это летчики. Они такіе отчаянные, смѣлые, сильные, привыкшіе каждый день рисковать. И мало того, что они рискуют, летая, еще ухитряются драться в воздухѣ.

— Мы сейчас домой?

— Мы уже дома.

— А гдѣ дом?

— Под нами.

Ванда наклонилась над бортом. Рѣзкій вѣтер рванул ея каску и разметал волосы.

Ванда спряталась под козырек.

Послѣ крутой безшумной спирали Сопвич мягко остановился у палатки. Я снял замерзшую Ванду, раздѣл ее и мы пошли по дорогѣ к усадьбѣ.

Ванда клялась, что ни за что, ни за что она больше летать не будет и, как только кончится война, она запретит летать и мнѣ.

— Мы будем жить у нас в имѣніи, так, как жили мои предки сотни лѣт. Хорошо?

Я, конечно, был готов жить и тысячу лѣт.

К вечернему чаю мы опоздали. Вѣстовые сообщили, что всѣ разбрелись купаться.

Я был рад. За столом рядом со мною сидѣла Ванда и, разливая чай, говорила о своих впечатлѣніях. Нам никто не мѣшал. Как пріятно, когда за тобою ухаживает такая милая женщина, заботливо кладет сахар, размѣшивает ложечкой и, придвигая стакан, кладет свою душистую ручку на плечо.

Уходя к себѣ, она прижала мою голову к своей груди и спросила:—В семь?

— Да.

— Там?

— Да, да.

Я еще застал купающихся. Поплавал немного и когда стрѣлка подошла к половинѣ седьмого, я одѣлся и окольным путем пошел к «той» скамьѣ.

Здѣсь нужно поставить точки. Ванда пришла с запозданіем, когда было уже темно, но я потом

не жалѣл о потерянном времени. Я был вознагражден сторицей. Сейчас у меня сохранились какіе-то обрывки переживаній, чувств. Это была безумная ночь.

* * *

Я вернулся домой в три часа утра и был немало удивлен, когда в своей комнатѣ увидѣл дремлющаго командира.

Он близко сѣл ко мнѣ и полушепотом передал сегодняшнія наблюденія. Послѣ свѣдѣній, полученных от Шестова, командир положил в свой портфель завѣдомо ложныя карты и вмѣстѣ с ними, задрапировав окна, при абсолютной тьмѣ, вскрыв фотографическія пластинки, положил одну из них совершенно новую. Закрыв портфель, он в темнотѣ спрятал его в стол. Стол старый, массивный, в полутемной комнатѣ. Послѣ купанія и ужина, командир при свѣтѣ краснаго фонаря проявил пластинку.

— Вот, можете посмотрѣть.
Я взял ее и поднес к свѣту.
Она была вся черная.

* * *

На слѣдующій день рано утром вылетѣл поручик Фадѣев и не вернулся.

Командир донес в штаб: — Поручик Фадѣев сбит 22 іюня.

Вечером того-же дня на развѣдку вылетѣл прапорщик Смѣлов и... обратно не вернулся.

23 іюня с заданіем полетѣл прапорщик Прокофьев. Спустя 5 часов командир давал в штаб новое свѣдѣніе о потерѣ.

* * *

Вечером 23 іюня командир сказал мнѣ, чтобы я готовился к утреннему полету. Заданія он лично передаст мнѣ утром.

— Вы знаете,—обратился ко мнѣ командир— я убѣжден, что в этом дѣлѣ замѣшана Ванда.

* * *

В пять часов утра, послѣ долгих прощаній с Вандой я отправился на аэродром. Мой Ньюпор стоял, притянутый к кольям и ждал меня. Перебросив через плечо карту я забрался в кабинку, провѣрил пулемет, приборы, мотор и выключил мотор, ожидая командира.

Я вскорѣ увидѣл его, подъѣзжающим на мотициклетѣ. Он провел карандашем по картѣ, объяснил мнѣ, что я обязан сдѣлать и, пожелав «ни пуху ни пера», пожал на прощаніе руку.

Новый Клерже работал прекрасно и через двадцать минут мой Ньюпор подходил к передовым линіям.

Утро было зловѣщее. И туман и облака какими-то чудовищами ползли по пятисотметровой высотѣ, безформенныя, уродливыя страшилища. Восток был ярко желтых оттѣнков.

Тяжелая гряда туч мѣдно-бураго цвѣта медленно ползла мнѣ навстрѣчу и скрыла от меня все поле зрѣнія. Рѣшив пойти в обход, я повернул машину под прямым углом и неожиданно скользнул на крыло. Инстинктивно выключив мотор, я спикировал и, потеряв 600 метров, вывел машину и включил мотор. Клерже заработал с перерывами, потом перешел на перебои. Через нѣсколько минут из выпускных клапанов появилась струя чернаго дыма и, я вторично выключив мотор, пошел на посадку, к счастью на своей территоріи.

Площадки не было подо мною. Нацѣлившись

на единственную ровную лужайку, я повел машину туда и, снизившись, убѣдился, что она мала для посадки.

Размышлять было не о чем: я сдѣлал замысловатый виток книзу, выровнял машину на метр от земли. Но вмѣсто посадки, как я и ожидал, получилось чорт знает что такое. Ньюпор с силой вмазался крыльями в деревья. Удар был сокрушающій, но я не разбился, изо всѣх сил упершись ногами в паук передней станины.

Выскочив из кабины и обойдя поломанныя крылья я подошел к капоту. Из под его ободьев на меня выставились четыре цилиндра Клерже, совершенно синіе от пожара.

Добравшись до штаба арміи я соединился с командиром, успокоил его, и просил выслать авіомеханика и мотористов.

Часа через три, около девяти утра я входил на веранду усадьбы. Командир очень разстроенный, но сдерживающій себя, вышел мнѣ навстрѣчу, пріятельски пожал мнѣ руку и, отвѣдя в сторону, спросил:—Ваше мнѣніе?

— Сгорѣл мотор.

— Четвертый раз подряд?

— Да, подозрительно. Подождем авіомеханика. Сѣл я на своей землѣ случайно:

Не будь встрѣчнаго вѣтра,—сидѣл-бы у нѣмцев.

Нервное лицо командира поблѣднѣло. Он сжал мою руку и проговорил:—Слава Богу, я так рад, так рад!

К двѣнадцати часам привезли изуродованный Ньюпор. Недоумѣвающій авіомеханик заявил командиру, что в масляной помпѣ каналы засорены какою-то очень мелкой пылью, вродѣ зубного порошка. И добавил в оправданіе:—Господин капитан, новая помпа, промытая мною недѣлю тому назад, ни в коем случаѣ не могла так быстро засориться естественно.

Командир успокоил авіомеханика, сказав, что в данном случаѣ авіомеханик неотвѣтственен.

Всю дорогу до дома мы шли молча. Командир наружно был спокоен и его скрытое волненіе выдавал прыгающій угол его рта.

Уже около самаго дома, он обратился ко мнѣ с просьбою: ничего не говорить Вандѣ, остановку мотора объяснить долгой работою и, ни в каком случаѣ, не показывать вида, что мы что-что подозрѣваем.

Дома командира ждал адъютант штаба дивизіи, который передал командиру, что его немедленно ждут в штабѣ нашей арміи.

Командир уѣхал.

За обѣденным столом Ванды не было. Я разсѣянно ѣл, раздумывая о сегодняшнем происшествіи. Неужели та Ванда, которая вчера так ласкала меня, сдѣлала все это? Вѣдь она-же знала, что полечу я, она так опасалась, предостерегала быть осторожным и т. п.

Неужели она?

Это было так дико! Так это не вязалось с Вандой. Моей Вандой!

Нѣт, не может быть!

Послѣ обѣда я пошел на озеро, искупался и направился к «нашей» скамьѣ. Безсонная ночь и купаніе давали чувствовать о себѣ и я вскорѣ, незамѣтно, заснул.

Проснулся от прикосновенія пухленьких ручек Ванды: она нѣжно гладила меня по щекам и приговаривала, стоя на колѣнях около меня: «Баю баюшки баю, колотушек надаю.»

Еще не проснувшись окончательно, я разсмѣялся и разсмѣшил Ванду. Она строила забавныя рожицы и вела себя, как маленькая дѣвочка.

Затѣм ея лицо сдѣлалось озабоченным и она

спросила меня: — Сегодня ты разбил аэроплан и сам чуть не разбился? Это правда?

Я взглянул в ея бездонные глаза. Чистые, честные, открытые. Какое чудовищное подозрѣніе! Развѣ могут лгать эти глаза, глаза моей Ванды!

Я разсмѣялся и отвѣтил, что особеннаго ничего не произошло. Сгорѣл мотор и я во время сѣл, поломав машину.

И опять я позабыл и сегодняшній полет, и пожар мотора, и подозрѣнія командира, самого себя и весь мір!

Э, что там!

* * *

Мы вернулись к девяти часам. За столом уже собрались всѣ. Командир разсказывал о своем разговорѣ с начальником штаба арміи. И разсказывал слишком громко. При входѣ Ванды всѣ поднялись к ней навстрѣчу. Потом, когда командир усадил ее на ея мѣсто, он продолжал свой разсказ, обращаясь ко всѣм: — Генерал передал мнѣ, что нам за аэродром безпокоиться нечего, т. к. к двѣнадцати часам сюда будут подтянуты всѣ имѣющіеся резервы и всѣ маршевыя части только что прибывшія на пополненіе. С такими огромными силами на нашем участкѣ, мы не только можем отразить противника, но и погнать его с его позицій.

— Ванда, заинтересованная, переспросила:— Нам бояться нечего? Нѣмцев отобьют? Мы можем быть спокойны? Русских частей много?

— Не «русских» частей, а «наших», очаровательная Ванда. Но—каким образом вы знаете, что нам придется «отбивать» нѣмцев?

Ванда посмотрѣла на меня.

— Вам разсказывал мичман? Ай-ай, как нехорошо! Вы можете проговориться кому нибудь из ваших слуг, ваш слуга передаст своему пріятелю, а там, смотришь, дошло и до нѣмцев.

А это очень важно: мы приготовились так встрѣтить нѣмцев, что послѣ этой встрѣчи они будут вынуждены откатиться назад: во первых с большими потерями, а во вторых далеко себѣ в тыл. Их теперешнее наступленіе равносильно их полному, абсолютному разгрому, послѣ котораго они долго не поправятся. Их ставка—во банк! Этот удар будет для нѣмцев вторым Гумбиненом!

Ванда лучистыми восторженными глазами смотрѣла на командира, а он, цѣлуя ей руку, совѣтовал ей быть спокойной и не бояться за будущее. Он улыбался, а я видѣл, что у него сердце готово разорваться на части.

Он повернулся ко мнѣ и сказал:—Завтра утром вы загладите свою ошибку вторым полетом. А сейчас мы пройдемся по парку и я вам объясню ваши задачи.

На берегу пруда он остановил меня за руку и приказал:—Сейчас вы через балкон проберетесь в комнату Ванды. Будете слѣдить за нею. Не отпускайте ее ни на шаг, куда-бы она не пошла. В ея распоряженіи имѣется телефон и этот телефон вы должны обнаружить. То, что я сказал за столом во время ужина, по своему содержанію относится к сообщеніям особой важности и должно быть передано нѣмцам незамедлительно. Почему я назначаю вас? Потому что, попав впросак, вы всегда можете сказать ей, что вашим вторженіем руководила страсть, любовь и тому подобная чепуха. Вы идете сейчас-же!

Я вернулся домой, надѣл теплые полетные носки, полетные ботфоры и, выйдя в сад, сначала обошел дом. В комнатѣ Ванды горѣл темно-синій огонь. Я оглянулся. Мнѣ показалось, что кто-то стоит рядом со мною. Раскурив трубку, я побрел вдоль озера, отошел шагов двѣсти, нырнул в кусты и осторожно начал пробираться к дому. Я был

увѣрен, что сейчас за мною никто не слѣдит. Темень была адская, заросли густыя. Крался я как кошка. Безшумно. Прячась в тѣни и в кустарниках, окружающих дом со всѣх сторон, я выждал момент и, сняв ботфоры, прополз к плющу, обвивавшему стѣны и балкон дома. Я и раньше был первоклассным гимнастом, а здѣсь, почувствовав себя Шерлоком Холмсом, я быстро очутился на балконѣ. Весь второй этаж был в темнотѣ за исключеніем спальной Ванды. Бѣлыя боковыя стороны окон комнаты Ванды излучали свѣт и наблюдать за ней с балкона было невозможно. Меня было-бы видно со двора. Я подкрался к первому окну и забрался в темную комнату. Сначала мнѣ нужно было удостовѣриться, что в комнатѣ никого нѣт. Я затаил дыханіе и выждал паузу. Ни души. Осторожно подкрался к двери и к счастью нашел дверь открытой. Переступив порог я увидѣл вырѣзы окна и пополз дальше. Дверь в слѣдующую комнату была закрыта, может быть даже заперта. Я попробовал ручку. Она ржаво скрипнула и подалась. Дверь заскрипѣла громко до безобразія. Подождал с минуту и пополз в слѣдующую комнату.

Четыре комнаты я прошел. Осталось еще четыре. У слѣдующей двери мнѣ пришлось остановиться. Я прислушался. Кажется там никого не было. Пошевелил дверную ручку — вертится без шума. Нажал на нее и очутился в пятой по счету комнатѣ. Здѣсь была тоже пустота. Боясь задѣть за что нибудь, я двигался медленно: комната Ванды была уже близко. Я это чувствовал по свѣту на балконѣ. Остановился у двери в нерѣшительности: если скрипнет, Ванда безусловно услышит. Вспомнил, что нужно приподнимать двери, чтобы онѣ не скрипѣли. Попробовал. Дверь раскрылась. Сердце мое сильно колотилось. Еще эта комната и я буду в спальной. Посрединѣ комнаты я натолкнулся на что-то мягкое. Вмѣсто двери здѣсь была арка и я

дотрунулся до драпри. Раздвинул их и увидѣл свѣт в щелях старой двери.

Подкравшись к ней, я обнаружил двѣ щели: одна шла вертикально по доскѣ, а вторая—перпендикулярная ей, вдоль вставки выпуклаго четыреугольника. Поднимаясь и опускаясь, можно было разсмотрѣть комнату в глубину, а в горизонтальную щель было видно половина комнаты и кровать Ванды.

Ее в комнатѣ не было. До меня доносился ея голос, как будто она говорила в саду.

Я долго разсматривал спальню Ванды. Около самой двери, гдѣ я стоял, находился большой гардероб с рѣзными дверями. И вдруг из него вышла Ванда. Уже раздѣтая, сверкая бѣлизной своего тѣла.

Я почему-то очутился в комнатѣ Ванды, которая увидя меня, вскрикнула и испуганно забралась в дальній угол кровати. Она была неотразима, но я почему-то подошел к гардеробу, открыл дверки, выбросил оттуда всѣ платья Ванды и, найдя инстинктом, для чего-то прикрѣпленный крючек в задней стѣнкѣ гардероба, дернул его. Стѣнка отошла в сторону и я увидѣл на ящичкѣ телефонную трубку.

Это произошло в нѣсколько секунд. Почти нагая Ванда подбѣжала к двери послѣдней комнаты и повернула ключ. Из распахнутой двери на меня ринулась какая-то гигантская фигура и около уха прогремѣл выстрѣл. В комнатѣ стало темно. Я бросился на балкон и крикнул вниз. Но там уже выскакивали из окон на помощь мнѣ. У боковой двери появился Шестов и в то-же мгновеніе стрѣлявшій в меня человѣк бросился на него с поднятым револьвером. Шестов на вскидку выстрѣлил из парабеллюма и человѣк в черном покатился по лѣстницѣ.

Шестов загораживал вход.

Он не видѣл, как из-за колонны вышла Ванда и выстрѣлила в Шестова. Корнет упал. Я ничего не мог сдѣлать и только проводил взглядом фигуру Ванды, скрывшуюся в темных зарослях.

Легенда о зимовьѣ на Песчаной Косѣ.

„...В тот год знаменіе было: видѣли иркутяне на небѣ бѣлоснѣжный крест и подножіе креста, обагренное кровью. Поняли всѣ, что наступает тяжелое время.

И время пришло. Настала зима с морозами, каких не помнили старожилы. А в бѣлой арміи послѣ боев под Ачинском и Красноярском появились тифы...

Больше половины выбыло из боевого состава. Тянулись обозы тифозных,—безконечные обозы. А многіе больные, за неимѣніем подвод и лошадей, шли пѣшком. Шли и на ходу замерзали.

И, вот,—пали вожди: Колчак разстрѣлян, Каппель замерз...

Разбитыя части текли тремя руслами к востоку. Подкрѣпленія не было, провіанта не хватало Казалось,—погибло все.

Измученныя, больныя, голодныя и упавшія духом войска отходили безпрерывным потоком—днем, ночью, утром, вечером... За ними по пятам, почти не встрѣчая сопротивленія, шли красные.

Наступал конец.

В адскій холод, по сѣверному берегу Байкала лентою двигалась конница,—четыреста всадников. Никто не знал, откуда пришли они. Был слух только, что появились они с замерзших притоков Селенги или Онона.

Когда подходили всадники к Ангарску, напали на них красные партизаны — до пятнадцати тысяч было их. Взяли партизаны бѣлых в кольцо, открыли убійственный огонь из винтовок и пулеметов, и в секунду должны были погибнуть всадники.

Но молча построили они ряды, повернули коней в сторону противника, не спѣша сняли свои винтовки, не торопясь наладили четыре орудія и— дали залп. Потом второй, третій...

Как вѣтром, сдуло красных. В ужасѣ разбѣжались они, оставив на полѣ горы трупов и раненых, побрасав оружіе.

Молча построились всадники, поставили на передки орудія и, колыхаясь в сѣдлах, вступили в Ангарск.

Впереди на крѣпком конѣ ѣхал сѣдой вожак конницы, с суровым видом закаленнаго в боях воина, с обледенѣвшими усами и бородой, со страшным шрамом через все лицо от сабельнаго удара.

За ним гуськом двигались остальные всадники. В концѣ, громыхая зарядными ящиками, тяжело тащились четыре орудія.

К всадникам подходили жители, разспрашивали, но — слова не промолвил ни один из них, и молча скрылись они в туманной дали морознаго зимняго утра.

К вечеру добрались они до Песчаной Косы. Есть такая коса, далеко уходящая в озеро, гдѣ-то на сѣверном берегу Байкала; на голой косѣ — зимовье, длинный бревенчатый барак, крытый соломой.

Спѣшились всадники, отпустили коней и, войдя в пустое помѣщеніе, разсѣлись по краям и углам.

Стало темно. Развели костры.

И выступил тогда матерой вожак и начал трубным голосом:

— Воины! Много пролито христіанской крови, много невинных душ загублено в эту усобицу, не одна сотня тысяч несчастных женщин шепчет воспаленными губами молитвы о здравіи и спасеніи своих отцов, мужей, сыновей и братьев и о пораженіи бѣсовской силы, и вот,—настал час возмездія... В три дня мы побѣдим всѣ нечестивыя полчища и освободим от сатанинскаго ига Святую Русь, а потом мы вернемся опять в свои ледяныя гробницы и будем лежать спокойно.

Утром под нашим натиском падет Иркутск, завтра мы будем на Уралѣ, а через день—Бѣлокаменная Златоглавая проснется от перезвона и гула всѣх сорока сороков. Три дня...

Но не договорил старый и воззрился в темный угол барака. Всѣ тоже повернули туда свои головы.

Смотрят,—тихій свѣт изливается. Ярче, ярче... И выросла огромная фигура апостола Петра.

Выступил Петр, подошел к сѣдому вожаку, положил руку на его плечо, обвел всѣх взглядом и проговорил:

— Рано поднялись, богатыри! Еще не пришел конец лихолѣтью: горькую чашу тяжких испытаній должны выпить всѣ от Востока до Запада. Не ударом меча, а долгими страданіями отыскивается путь к искупленію. Ждите!

Но возроптали воины, забряцали оружіем. Нахмурились загорѣлыя, обвѣтрившіяся лица. Грозно сверкнули орлиные глаза старика, и голосом, подобным грому, он заговорил:

— Мы, замерзшіе бойцы с лядяных притоков Селенги и Онона, умершіе от болѣзней, от голода, от мучительных ран,—мирно спали вѣковым сном, вмѣсто гробов занесенные снѣгом, без молитв, без тризн, без бранных почестей, и долго спали мы. Но зажглись сердца наши гнѣвом и мщеніем, и встали мы, и не взойдет солнце в третій раз, как

сгинет рать Сатаны, и Русь сбросит с себя позорное ярмо. Так должно быть, так и будет!

Покачал головою апостол, посмотрѣл на всѣх с укоризною и вдруг пропал он.

А ночью, когда спали бойцы, сошел с неба огонь, в мгновеніе ока испепелил зимовье, и остались бойцы в лютый мороз на открытой песчаной косѣ. Поднялся вѣтер, дунул ледяным дыханіем...

Пробудился и поднял свои вѣки чуткій старик, хотѣл было встать и двинуться в поход, но закоченѣли его ноги, крѣпко приросли к мерзлой землѣ. Хотѣл было крикнуть, но язык уже онѣмѣл и не слушался.

И так во второй раз замерзли они, окружив плотным кольцом своего вожака, которому не суждено было достигнуть великой цѣли".

Так речитативом говорил пожилой контрабандист в одном из притонов станціи Пограничной, куда случайно и меня занесла нелегкая в тѣ страдные дни, когда впервые я вступил на китайскую землю.

Говорил контрабандист, и рисовались мнѣ знакомыя картины трагическаго отступленія.

И я вспомнил. Да, я видѣл их, этих замерзших всадников, видѣл и их сѣдого вожака со страшным шрамом через все лицо от сабельнаго удара.

* * *

На ст. Иннокентьевской нас вызвал командир отряда. В теплушкѣ, когда собрались всѣ, он обрисовал нам печальную обстановку военных дѣйствій и добавил:—До наступленія весны или оттепелей о полетах говорить не приходится. Железнодорожный путь забит, и наше продвиженіе пріостановлено на неопредѣленное время. В виду того, что не сегодня-завтра здѣсь начнутся бои, я получил предписаніе немедленно выгрузиться из вагонов и перебраться пѣшим порядком в Иркутск, гдѣ ждать дальнѣйших распоряженій.

Через два часа шесть наших самолетом гуськом ползли на восток, а позади толпою шли мы,—отрядники.

В Иркутскѣ дальнѣйших распоряженій не послѣдовало. Ходили упорные слухи, что обѣ стороны готовятся к генеральному сраженію, и только начавшіеся свирѣпые морозы отсрочивали рѣшительный момент: ни винтовки, ни пулеметы не дѣйствовали.

Недѣли двѣ спустя, мы, согласно приказу, двинулись было к ст. Байкал, но у моста через Ангару нас нагнал конный вѣстовой и передал распоряженіе штаба: отходить с сѣверной группой.

Повернули мы и направились к сѣверо-восточной части города.

Шли обозы.

— Гдѣ здѣсь интендантство?

— А, вот, мы и есть интендантство...

— Мы должны получить от вас недѣльное продовольствіе.

— Очень рады. Весь запас: двѣ бочки спирта и двѣ бочки сала. Послѣднее.

— А мука, сахар, табак?

— Ни-ни. Десять дней, как запас улетучился.

— Хлѣб? мясо?

— Ни-ни.

Дѣлать нечего. Разлили спирт по флягам, расколотили бочки с мерзлым салом, изрубили на куски и набили этими кусками карманы и вещевые мѣшки.

Там же получили полушубки, шапки и рукавицы.

Подъѣхал командир на маленькой сибирской лошадкѣ. За ним коноводы пригнали цѣлый табун. Осмотрѣли лошадей,—всѣ со сбитыми холками, за-

моренныя, больныя. Выбрали получше и двинулись к заставѣ. По пути хотѣли выпить чаю, но всѣ улицы и дворы были битком набиты солдатами. А в дома заходить мы не рѣшались: почти в каждом валялись тифозные. Долго ли до грѣха?

Прощай, Иркутск!

К ночи, с остановками и задержками, мы добрались до какой-то безымянной деревушки. И там всѣ избы были переполнены ранеными и больными, и нам ничего не оставалось дѣлать, как на измученных и голодных лошадях двигаться дальше.

Пошел снѣг. Мелкій, колючій. Ноги отчаянно мерзли. Приходилось часто спѣшиваться и, подплясывая, вести лошадь в поводу.

Утром остановились передовые: сбились, оказывается, с пути и идем мы не торною дорогою. Собрались, посовѣтовались и рѣшили не возвращаться назад, а идти тѣм-же путем до первой встрѣчной дороги и повернуть вправо. Выйдем-ли мы на Ангару или Байкал,—неважно.

Разбрелись наши лошади. Раскапывают копытами снѣг и жадно чавкают мерзлые опавшіе сучки и листья. А тѣ, что посильнѣе, просто отдирают зубами кору деревьев и с наслажденіем жуют с закрытыми от удовольствія глазами. Бѣдныя животныя!

Зачесалась у меня шея. Протиснул за воротник два пальца, чувствую — шарик. Извлекаю на дневной свѣт и вижу великолѣпный экземпляр насѣкомаго умопомрачительной величины.

Сообщил о своей находкѣ остальным. Всѣ в один голос заявили, что и у них все ходуном ходит, но сбрасывать полушубки было уже поздно, так как „населеніе", по всей вѣроятности, перебралось уже поглубже—в бѣлье.

Один из приблудившихся к нам конвоиров интенданскаго обоза разсѣял наши сомнѣнія.

— А как-же не быть насѣкомым, когда всѣ эти полушубки сняты с умерших тифозных...

— Что! Как?

— А очинно даже просто: сам снимал. Не бросать-же добро.

Шли весь день. К вечеру вошли в густой лѣс, —настоящая тайга. Когда совсѣм смерклось, открылась в правую сторону просѣка. Рѣшили повернуть по новой дорогѣ. Вот-вот на Байкал должны были выйти.

Ноги окончательно закоченѣли, к ознобу примѣшивались острые приступы голода и я начал отставать от обоза. Шедшій позади меня постоянно натыкался на мою лошадь.

— Вы—что? Мерзнете, что-ли?

— Замерзаю и ѣсть хочется.

— А вы дерябните спирту и закусите салом. Я только тѣм и живу.

Я схватил флягу и сдѣлал два больших глотка. Губы примерзли к горлышку,—пришлось оторвать с кожей. Странно,—ни ожога, ни запаха! Минут через десять отошли руки, согрѣлись ноги, и мнѣ стало необычайно хорошо и весело.

Дорога пошла под гору. Лошади тронулись крупным шагом, потом рысью. Мы бѣжали рядом с лошадьми, криками подгоняя друг друга.

Проснулась, ожила тайга. Не звонким смѣхом, а звѣриным рычаніем отзывалось эхо на разные лады и тона.

Шарахнулась моя лошадь в сторону, дернула поводом. Хотѣл остановиться, да нельзя было на полном ходу; пробѣжал шагов десять, пятнадцать, зацѣпил ногою за что-то и — полетѣл вниз, под откос.

Чувствую, что кувыркаюсь, вмѣстѣ с сугробами снѣга. Ниже, ниже. Уперся во что-то ногами, сдѣлал послѣднее сальто и больно ударился плечом о дерево. Пока поднимался, меня всего засы-

пало снѣгом. Выбрался из сугроба, отряхнулся и крикнул:

— Эй, гдѣ вы?

— Вы не убились?—голос откуда-то снизу.

— Прекрасно спланировал! А вы гдѣ?

— Здѣсь, внизу. Шагайте сюда: наверх все равно не взобраться, — почти отвѣсная скала. И угораздило-же нас!

Сдѣлал шаг и опять полетѣл вниз со снѣгом. Остановился на самом днѣ оврага. Перед собою я различил какую-то сѣрую массу. Потрогал рукавицей,—моя лошадь. Она сдѣлала нѣсколько движенiй всѣм корпусом, желая подняться, но не могла. Фыркнула и опустила голову на снѣг.

— Ну, как? Благополучно?

— Не совсѣм: лошадь разбилась. А ваша?

— Я повода не отпускал, сыпался вмѣстѣ с нею, да толку мало: должно быть сломала ногу.

— Гдѣ-же всѣ остальные?

— А шут их знает!

— Эй, вы! Ого-го-о-о!..

— Ха-ха-ха-ха!..—смѣх еле доносился до нас и замирал гдѣ-то далеко.

Давайте догонять их скорѣе. Если отстанем, наше дѣло—табак. Слышите? Вон гдѣ они.

— Что вы! Они, как раз, в противоположном направленiи.

— Будем соображать. Упали мы с этой горы. Дорога сворачивала влѣво. Вѣрно!.. Вы правы.

— Так, пошли?

— Пошли. А лошади?

— Придется оставить. Авось, выбредут потом на какой-нибудь хутор.

Мы зашагали. Моя лошадь, услышав шаги, зафыркала. Хромая заковыляла было за нами, но вскорѣ отстала и потерялась в потемках.

— Дерябнем?

— Дерябнем!

Сдѣлали из фляг по глотку, сунули во рты по куску мерзлаго сала и опять зашагали. Лощина за лощиною, хребет за хребтом, а к утру мы окончательно сбились с пути и заблудились.

— Дерябнем?

— Уговорили!

Снова по глотку и куску сала.

Так мы бродили два дня. На третьи сутки разомлѣл мой прiятель, уткнулся в дерево и сразу заснул. Чувствую, что и меня мучительно клонит ко сну. Наломал я побольше вѣток, отыскал гнилое дерево и разложил костер. Перетащил сюда спящаго, лег рядом с ним, вытянул ноги и незамѣтно заснул, как убитый.

Проснулся от невыносимой ломаты в ногах. Костер потух, и холод пронизывал насквозь. Разложил новый костер, отогрѣл ноги и тронул прiятеля.

— Вставайте, пора шагать.

Очнулся он и сказал:

— Крышка мнѣ, брат. Шагайте дальше один, а меня оставьте, пока сами не остались... Все равно—я не жилец.

— Это что за фокус?

— Не фокус, брат, а самый настоящiй тиф. Давно я его чувствовал, боролся, а, вот, сейчас,—раскис.

Подошел я к нему и вижу: бѣлки кровью налиты, лицо неестественно красное, и от него жаром пышет.

— Давайте, попробуйем шагать. Беритесь за мою шею, я—вас за талiю и потащимся. К вечеру, может быть, и выберемся.

Прошли шагов двѣсти. Взмолился он, просил не мучить его; выскользнул из рук и упал на снѣг. Взял я его под мышки и волоком притащил обратно к костру.

Ночью, когда я развел большой костер, вижу —поднимается мой пріятель. Взглянул на меня дикими, обезумѣвшими глазами и уставился в темноту.

— Тише! — говорит: — видишь, император стоит?.. Весь в крови...

Жуть меня обуяла. Успокоил я его, уложил спать, а сам пошел за сучьями. Принес цѣлый ворох и бросил в костер. С первым треском пылающих сучьев, больной вскочил на ноги, сверкнул безумными глазами и спрашивает меня свистящим шепотом:

— Ты кто такой?

— Кто ты такой?—заревѣл он, а сам сорвал с руки перчатку и дрожащими пальцами отстегивает кобуру нагана.

Бросился я на сумасшедшаго, повалил на землю, желая отнять револьвер, но он с силою вырвался, отскочил по другую сторону костра, выхватил наган и в упор выстрѣлил в меня. В слѣдующую секунду он перепрыгнул через костер и исчез в темнотѣ. Я побѣжал за ним, но сразу-же потерял его слѣд.

Раздался выстрѣл, и опять тайга отвѣтила цѣлой перестрѣлкой.

Вернулся к костру, сдѣлал глоток, закусил салом и просидѣл, не смыкая глаз, до разсвѣта.

Побѣлѣло небо, и показались солнечные лучи. В первый раз за эту недѣлю.

Обогрѣлся я у костра и пошел по вчерашним слѣдам. В полуверстѣ нашел рукавицу и шапку. Слѣды подходили к соснѣ и под прямым углом сворачивали вправо. Тайга расступалась, образуя голую овальную ложбину.

Не прошел я по логу и двух верст, как за двумя молодыми сосенками наткнулся на труп пріятеля. Потрогал его,—он уже окоченѣл весь. Снял

я с него револьвер и повѣсил на себя, потом достал флягу, перелил спирт в свою и набил его кусками сала свои карманы. Мертвому ничего не нужно...

В пяти шагах стояла огромная сосна с обнаженными корнями. Надул с одной стороны вѣтер цѣлую гору снѣгу, а с другой виднѣлась яма до самой земли.

Притащил я сюда мертваго, хотѣл сложить ему руки и не мог; так ничком и опустил его в яму, головой вниз, засыпал вѣтками и наскреб над ним снѣжный холм, высотою в рост человѣка.

Непріятно быть одному в тайгѣ. Пошел вниз по оврагу...

Смертная тоска. Захотѣлось на солнце взглянуть. Взобрался на гору, увидѣл солнце, и лучше мнѣ стало. Глотнул из фляги и пошел прямо на юг, к Байкалу.

За час до заката я перебрался через высокую гору. Только спустился вниз—и остановился в недоумѣніи: лежат передо мною двѣ мертвых лошади. Одна—моя с окровавленной мордой, а рядом—лошадь моего умершаго пріятеля.

Крутились, видно, мы на одном мѣстѣ.

А когда сѣло солнцѣ, я был уже далеко. Дороги я не искал все равно не нагнал бы отряда. Нѣт, я шел на юг, через сопки, ложбины, ущелья.

* * *

На второй день я проснулся, услышав отдаленный колокольный звон и лай собаки. Ноги замерзли, но пальцы еще шевелились. Слабо тлѣли еще угли вчерашняго костра. Хотѣл развести костер, поднялся и — опять опустился. Смертельная лѣнь, слабость и полная апатія.

Мучила жажда. Взял горсть снѣга. Гдѣ-то вверху залаяла собака, забѣгала между деревьями и вскорѣ

из-под кедра, в двух шагах от меня, выглянула свирѣпая морда волкодава, который сдѣлал на меня стойку, как на куропатку, ощетинился и зарычал. Я бросил ему кусок сала. Он с визгом отскочил в сторону и яростно залаял.

Послышался скрип полозьев, и к собакѣ осторожно подкрался охотник на лыжах. Он раздвинул стволами „бюксфлинта" вѣтви, взглянул на меня и, взяв пса за ошейник, подошел ко мнѣ.

— Отбились?

— Да. И заблудился.

— А куда путь держите?

— К Байкалу. Далеко до него.

— А вот он! --указал рукою охотник.

— Гдѣ?

— Да, вот, шагов двѣсти отсюда. А ваши с недѣлю назад всѣ, однако, прошли.

— Какіе—наши?

— А бѣлые, колчаковцы.

— Почему вы знаете, что я — колчаковец и бѣлый?

— Ну, это по лицу и по формѣ видно, что вы—фронтовый офицер. Пообтрепались изрядно, и вид замученный. Забайкальскіе—сытенькіе, с глянцем. А что вы бѣлый, то погоны-то на что? Вы их снимите: неровен час, позаритси кто на вас. Красных здѣсь видимо-невидимо. Занедужили, что-ли? Ну, поднимайтесь, я провожу вас.

Поднялся я и вдруг почувствовал, что земля колеблется, и нѣт точки опоры. Хотѣл встать на четвереньки, а упал на спину.

— Теперь крышка, брат!—вспомнил я слова свего друга.

Куда-то шли. Я падал, он поднимал меня, зазвонили колокола и я потерял сознаніе.

* * *

— Тиф, не тиф, а что-то вродѣ горячки,—говорил надо мною чей-то голос.

Открываю глаза,—смотрит на меня собачья морда, что нашла меня в тайгѣ. Ляскает зубами, подмигивает и ухмыляется. Вглядываюсь,—совсѣм не волкодав, а тянется ко мнѣ разбитая и окровавленная морда моей лошади и фыркает. И опять —не лошадиная морда, а обросшее волосами лицо моего замерзшаго пріятеля.—Теперь крышка, брат! —говорит он.—Уж не жилец я... А ты кто такой?! —кричит он звѣриным голосом...

Зажглись разноцвѣтные фонари, закружились по комнатѣ, и вдруг потонуло все в черной, как ламповая копоть мглѣ...

* * *

Проснулся я однажды при свѣтѣ потухающаго костра и сѣл на постели,—на накиданных в углу вѣтках пихты. Стал оглядываться.

Пока я разсматривал землянку, в углу зашевелилась связка сосновых вѣток и отлетѣла в сторону; за ней показались шапка, ружье и плечи охотника, который с большим трудом втиснулся в узкое отверстіе, служившее дверью.

Втиснулся, подбросил охапку вѣтвей в костер и только тут замѣтил меня.

— Проснулись? А мы с братом думали, что каюк вам. Крѣпкій вы! С мѣсяц, однако, висѣли на волоскѣ.

Запылал костер. Дым уходил в жестяную трубу, через потолок. Закипѣл чай.

— Что слышно новаго? — спросил я, когда мы начали усиленно дуть в кружки и похрустывать сахар.

— Сейчас тихо. Давно уже была стрѣльба по ту сторону Байкала. А здѣсь и-и! — как много перемерзло людей. И бѣлых, и красных. Особливо —тифозных. Почесть, ни один не добрался до Ангарска. Прямо по льду идет санный путь. И чего

только не встрѣтишь на дорогѣ! И вездѣ—замерзшіе. Когда сильно знобило вас, я бѣгал на эту дорогу. Обозы шли без начала и без конца. Подхожу к саням и спрашиваю:

— Какая часть?

— Тифозная,—говорят мнѣ,—часть.

— Нѣт ли у вас доктора?

— Как,—говорят, — не быть! В третьей кошевкѣ сидит.

Подошел я к кошевкѣ, откинул дерюгу, а под дерюгой, вмѣсто доктора, покойник сидит с рыжими усами и пялит на меня стеклянные глаза...

А сейчас здѣсь одни красные. Бѣлые, слышно уж и Читу оставили.

* * *

Через двѣ недѣли я простился со своими радушными хозяевами. Ничего не хотѣли взять с меня братья.

Оставив землянку, я прошел с пол-версты и с вершины сопки между деревьями увидѣл ледяную равнину,—долгожданный Байкал.

Какой вдохновенный поэт сможет обрисовать величественно-дикую красоту сказачно-оцѣпенѣвшаго Байкала при первых бликах солнца, когда запорошенная и покрытая инеем тайга горит и переливается миріадами радужных огней.

Не хотѣлось мнѣ уходить отсюда. Но к вечеру я должен был добраться до поселка и я пошел.

Сказка сразу кончилась,—началась жизнь: среди чистаго, темно-синяго искрящагося льда—снѣжный холмик, из котораго торчат рыжіе, закорузлые сапоги и извѣстково-бѣлая рука замерзшаго. И дальше—здѣсь лошадь, там сани, какой-то драндулет с замерзшими ранеными...

Откуда-то донесся скрип полозьев. Может быть, красные?

Бѣжать некуда и спрятаться негдѣ. Притвориться тяжело больным? Э, будь, что будет! Я осторожно вытащил из кармана наган и спрятал его в рукавицу. Пошел дальше, согнувшись и прихрамывая.

Скрип отчетливѣе... Вот, уже за спиной... Обернулся.

В розвальнях, запряженных рѣзвою лошадкою, сидѣл представительный мужчина высокаго роста. Рядом с ним, закутанная в доху, с надвинутой на глаза шапкою,—прехорошенькая женщина.

Комиссар какой-нибудь с комиссаршей? Лѣвою рукой он правил лошадью, а правую держал под полою. И палец, навѣрное на куркѣ.

— Здорово, товарищ!—окрикнул он меня.

Комиссар, опредѣленно...

Я молча поклонился.

— Больной, что-ли?

— Совсѣм погибаю. Не довезете-ли вы меня до встрѣчной дороги?

Переглянулся многозначительно комиссар со спутницей:

— Садитесь, лошадь вытянет. Какой вы части и куда идете?—задал он головоломные вопросы, когда я усѣлся рядом с ним, и лошадь тронулась.

— Отряда Карандашвили, товарищ, а иду я в Ангарск.

— Для чего же тогда вам встрѣчная дорога? —подозрительно освѣдомился он.

— Что за черт! подумал я,—может быть, он и есть Карандашвили. Пора дѣйствовать, иначе—еще один вопрос, и я пропал.

Изо всей силы я ударил сапогом в его пра ру ку, сбросил свою рукавицу и, наставив револьвер в лицо, приказал не шевелиться.

Женщина вскрикнула и прислонилась головой к плечу комиссара.

— Ну, дорогой товарищ, выбирайтесь вон из саней со своею подругою и шагайте дальше пѣшком. Возьмите этот мѣшок, чтобы не пропасть с голоду и не замерзнуть, да разскажите своим красноармейцам, как поступил с вами бѣлый офицер.

Я дернул повод, и лошадь побѣжала.

Сзади раздались окрики. Оглянулся. Мужчина размахивал руками, а женщина, скользя по льду и падая, бѣжала ко мнѣ. Остановил лошадь.

— Боже мой, Боже мой! — схватив меня за руку, говорила она сквозь улыбку и слезы. Мы даже ничего не успѣли сказать вам. Вѣдь, мой муж—тоже бѣлый офицер арміи Пепеляева. Он — чех. Я вам покажу его документы.

Она подняла лубок и достала оттуда портфель. Бумаги были в образцовом порядкѣ,

— Документы бѣлаго офицера, но, кто знает, можеть быть, он вчера стал красным.

Женщина удивленно подняла брови.

— Послушайте, война измучила, истрепала меня. Во мнѣ осталось всего пол-человѣка... Вы даете мнѣ слово, что ваш муж не поведет эти остатки человѣка на казнь?

— Боже мой!—она заломила руки:—клянусь!

Я посмотрѣл в ея чистые, свѣтлые глаза.

— Вы не вѣрите мнѣ?—обиженно, по-дѣтски, заплакала она.

— Нѣт, я вам вѣрю. Эй, господин Квачек, пожалуйте сюда!

* * *

Уже смерклось, когда перед нами на открытой равнинѣ из сумерек вынырнуло длинное, темное строеніе.

Схватились мы за оружіе, я выпрыгнул из саней и пошел вперед—осмотрѣть, что это за зданіе среди Байкала.

Дорога круто поднималась в гору. Под ногами—промерзлая песчаная почва. Как будто, остров.

Прислушался,—тишина. Еще, крадучись прошел шагов десять. На пескѣ—темныя пятна, слѣды от костров. Труп лошади, винтовка, пустыя консервныя банки.

Осторожно подошел к самому бараку. Насторожился, стараясь уловить малѣйшій шорох...—тишина абсолютная. Сомнѣнія нѣт, что барак пустой.

Вошел внутрь. Постоял немного, вернулся к своим и предложил им развести в баракѣ костер, подзакусить и обогрѣться перед тѣм, как ѣхать дальше.

Они охотно согласились. Квачек бросил лошади охапку сѣна, Лидочка взяла солому, я—топор, и мы вошли в барак.

Через нѣсколько минут ярко запылал костер, и в тот же момент я содрогнулся от дикаго, нечеловѣческаго крика.

Обернувшись, я увидѣл мертвенно-блѣднаго Квачека, его жену в обморокѣ и—сидящаго рядом с ними сѣдого старика с обезображенным ударом сабли лицом. Шрам шел от лѣвой брови, через разрубленный нос и, разорвав всю правую щеку, доходил до нижней челюсти. За спиною старика я мельком разсмотрѣл ряд мертвецов, сидѣвших прямо на землѣ, прижавшихся друг к другу, свернувшихся камочками, или вытянувшихся на полу во весь рост.

Потрогал одного, другого,—замерзшіе! Весь барак был битком набит ими.

Бросив костер и забыв об ужинѣ, мы вышли из зимовья и, усѣвшись в сани, пустили лошадь полным ходом. Как можно скорѣе,—подальше от этого ужаснаго мѣста!

* * *

Мы благополучно пересѣкли Байкал, перевалили через отроги Хамар-Дабана и Улан-Бургасы и по рѣкѣ Удѣ добрались до Читы, но в город мы не въѣзжали, а объѣхали Читу с сѣвера,—сначала по рѣкѣ Ингодѣ, а, затѣм, Шилкѣ, — перебрались через рѣки Нерчу, Куенгу и Черную и въѣхали, наконец, в село Покровское, находящееся при сліяніи Шилки и Аргуни, гдѣ берет начало Амур.

Здѣсь на одиннадцатые послѣ Читы сутки, закончилась наша эпопея ледового похода, и дальше на восток мы двинулись по желѣзной дорогѣ.

Поѣзд приходил только через полтора часа. Я пошел в село купить новые сапоги, полушубок бѣлье, шапку и, захватив бритву, пошел в баню —простую русскую баню на берегу рѣки.

С наслажденіем вспоминаю, как сняв походное обмундированіе, и свернул в узел все, что было на мнѣ, с сапогами, полушубком и шинелью, и из предбанника швырнул этот узел в овраг.

Затѣм я выбрился и начал мыться. Эх, шут возьми! Вода мгновенно превращалась в деготь, мыло не мылилось, но через час, послѣ усиленной скоблежки и изувѣрских ударов вѣником, я уже выглядѣл человѣком.

Русская баня всегда наводит на философскія размышленія. Парясь, я открыл великую истину: счастлив лишь тот, кто кромѣ здоровья, имѣет в предбанникѣ... чистое бѣлье.

Одѣваясь, я вдруг обнаружил, что поверх бѣлья мнѣ одѣть нечего, так как я позабыл купить верхнюю одежду.

Набросив на себя купленный полушубок, который был значительно короче колѣн, я так и щеголял по селу разыскивая рубаху и шаровары.

Когда есть деньги, достать все можно.

Через пять минут я, одѣтый в небесно-голубую сатиновую рубаху, плисовыя шаровары и перетянутый в таліи пояском с молитвою, чистенькій и выбритый появился в купэ Квачек...

Лидочка на порогѣ заявила мнѣ, что мѣста уже заняты: вот, здѣсь—ея мѣсто, тут—мѣсто ея мужа, а там помѣстился их попутчик, один офицерлетчик, который ѣдет с ними до Владивостока.

Баня преобразила меня до того, что меня не узнавали!

— Простите, Лидочка, но я и есть тот летчик, который ѣдет с вами до Владивостока.

— ?!?!

Гомерическій хохот! До слез!..

— Я думала, что вы вернетесь опять с усами и бородой и такой же страшный. Боже, какой вы молодой,—совсѣм мальчик!

Поѣзд тронулся. Застучали колеса, замелькали телеграфные столбы, и мы помчались на восток. Они—с цѣлью пробраться в Чехію морским путем, а я—безо всякой цѣли, не знаю зачѣм. Просто,—сѣл и поѣхал, и все тут...

* * *

Два года спустя, октябрьскою ночью, без дороги и троп, таежными увалами я добрался до Пограничной. Все, что осталось позади, что переживалось и думалось раньше,—все это было зачеркнуто, оторвано и похоронено.

В карманѣ у меня был только один серебряный рубль.

Я промерз, зашел в один притон согрѣться чаем и там-то я и услышал эту легенду о зимовьѣ на Песчаной Косѣ.

Встрѣча.

К двум истребителям армейскаго отряда подошли два летчика. Один из них, вновь прикомандированный, только что прилетѣл на собственной машинѣ и немедленно получил заданіе.

Он никого не видѣл, кромѣ командира и никого не знал.

Встрѣтившись у истребителей, они впервые п осмотрѣли друг на друга.

— Угрецов. Миша.

— Васька, родной мой.

— Ты еще жив.

— Как видишь: Каким образом у нас.

— Прикомандирован к вашему отряду.

— Да неужели. Вот рад. Ну, давай поцѣлуемся. Да как-же это ты так. Господи, вот неожиданно. Ну, как живешь. Здоров, ранен, сколько раз. В каком чинѣ.

Ты из двѣнадцатаго, Казаковскаго. Как—он.

— Разбился.

— Казаков. Как. Когда.

— С мѣсяц назад. Сѣл без колеса и врылся мотором в землю.

— Пропал лучшій летчик. А капитан Васильев.

— Сбит.

— Прапорщик Дубровин.

— Сбит.

— Корнет Голубев.

— Разбился.

— А корнет Ильин.

— Пропал без вѣсти.

— А Павлик. Помнишь Павлика.

— Да, конечно. Сбит. А кто уцѣлѣл из вашего отряда. Орлов.

— Сгорѣл.

— Федя Прокопенко.

— Сбит.

— Сафутдинов.

— Сбит.

— Коля Карпов.

— Сбит.

— Мельников.

— Сбит.

— Колосницын.

— Сбит.

— Так что-же, может быть за нами очередь.

— Кто знает. Может быть. Хотя—нѣт. Неужели можно умереть. Нѣт, нѣт.

— Я тоже не согласен.

— Ну, полетѣли. Я проведу тебя по корридорам.*) Лучшая высота — 2700 метров. Тяни за мной. А вернемся—я тебя кое-чѣм угощу. Выпьешь —закачаешься. Ну, пошли. Есть контакт.

***

Двѣ машины поднялись, превратились в двѣ точки и исчезли.

***

Вернулся один истребитель.

---

*)Часто мѣняющаяся линія полета аэроплана между батареями.

Издатель—М. В. Зайцев
Конная № 34.

Редакторъ—М. П. Соколов
Конная № 34.

Типографія Л. М. Абрамовича
Конная № 34.

Влад. тип. Л. М. Абрамович
Конная № 34.

Издано и напечатано:
5-го мѣс. 15 дня 2 г. Кан-дэ.